

Капсула

A long-exposure photograph of a highway at night. The image shows multiple lanes of traffic. On the left side, there are numerous red light trails, likely from taillights of cars moving away from the viewer. On the right side, there are white light trails, likely from headlights of cars moving towards the viewer. The trails converge towards a bright, glowing horizon line in the distance. The sky is dark blue, and the overall scene is illuminated by the artificial lights of the vehicles.

Бронислава Бродская

Бронислава Бродская

Капсула

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29829857

SelfPub; 2018

Аннотация

Капсула – место вне времени и пространства, откуда можно вернуться. Но есть возможность не возвращаться, а жить параллельной жизнью, в которой дается шанс быть счастливее. Какое решение примут участники проекта? Хватит ли у них смелости? Может ли на их решение повлиять героиня романа? Капсула – это мечта, но не всем дано мечтать столь дерзко, не всем по силам пойти на риск и жертвы ради мечты, которая возможно и не сбудется.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

ВЕРБОВЩИЦА	4
КОРИДОРЫ	45
Фрик	45
Толстяк	68
Конец ознакомительного фрагмента.	96

ВЕРБОВЩИЦА

Лида открыла глаза и сразу поняла, что выпалась и заснуть больше не сможет. Стало немного жаль, снилось что-то необычайно интересное, обрывки красочных кадров мелькали в Лидиной голове, хотелось 'досмотреть' кино, но она знала, что не выйдет. Как обычно здесь она чувствовала себя отдохнувшей, свежей, полной энергии. Вставать однако не хотелось. Стараясь как можно дольше продлить чудесный момент радостного пробуждения, Лида продолжала лежать, проигрывая в голове планы на сегодня. Что ж, обычный день: поработает, под вечер устанет, вернется домой в ровном приподнятом настроении, всегда наступающем после хорошо выполненного дела. Ощущение, что она дома, но это не совсем 'дом', охватило Лиду радостным предвкушением полезной деятельности, которую мало кто способен выполнять. 'Мало кто ...', а может вообще никто. Она, Лида Соколова – уникальна, и поэтому она здесь, а не 'там'. 'Здесь' и 'там' Лида никогда не путала, слишком уж это были разные вещи. Впрочем рассказать кому-либо об этой разнице Лида не могла. Ну, не могла – и не могла, к этому она тоже давно привыкла, хотя, что греха таить: поначалу ей очень хотелось с кем-нибудь поделиться тем, что с ней случилось. В последнее время это непреодолимое желание прошло.

В комнате стоял полумрак, но за окнами уже было светло.

Яркое солнечное утро еще только начиналось. Лида различала еле слышные звуки: легкий ветерок шевелил верхушки деревьев, время от времени свистела какая-то птичка, в траве жужжали цикады. Цикады означали, что уже не так рано, надо вставать. Хотелось еще чуть-чуть полежать, но было нельзя: пока встанет, пока душ, завтрак, надо одеться. Как бы не опоздать к первому клиенту. 'Клиентами' этих людей называть не хотелось, это было неправильное слово: клиентам оказывают услуги, а она никаких услуг не оказывает, она с людьми просто разговаривает и в этом ее роль, на которую она добровольно согласилась. Те, кто ее нанял, называли таких как она 'вербовщиками', но Лиде не слишком нравилось это слово тоже. 'Вербовщик' – это кто-то нечестный, посулами втягивающий доверчивого человека в кабальное дело. Можно ли вербовать на что-то хорошее? Хозяева считали, что можно. Впрочем Лида так никогда для себя и не решила: те, кто велись на ее уговоры и посулы, и ... шли 'туда, не зная, куда ...', были ли они потом счастливы, и если нет, была ли лична она, Лида, вербовщица, виновата в том, что они приняли неправильное решение, несла ли за него ответственность? Нет, не несла, это всегда было чужое решение, но она на него влияла. Глупо было бы это влияние отрицать.

Мягкая, шелковистая, белая простыня приятно ласкала Лидино тело. Просторная, современно обставленная спальня, с двуспальной низкой кроватью посередине, на которой кроме Лиды никто не спал. Ну, было несколько эпизодов, ко-

гда рядом с ней спал 'клиент', но эти эпизоды она не так уже часто и вспоминала. Лида решительно села на кровати, настраиваясь на душ. В доме не было ни выключателей, ни кранов, ничего, чем можно было бы управлять. Все делалось само, надо было только представить себе, что ты хочешь и дать мысленную команду ... Да собственно и команда была лишней, желание автоматически трансформировалось в искомое действие. Этому пришлось в свое время немного подучиться, но сейчас Лида даже не задумывалась над управлением домом и не только домом. Впрочем при желании можно было все проделывать в ручном режиме. Раньше она предпочитала именно так и делать, что было привычнее, но в последнее время невмешательство в функции дома стало казаться ей нормальным. Не все ли равно, включать душ самой или просто подумать о душе. Другое дело вещи более затейливые: вот, например, Лида проснулась летним нежарким утром, но это утро можно было 'переделать' в зимнее или дождливо-осеннее. За окном мог лить тягостно-серый мелкий холодный дождь, а могли падать красивые крупные снежинки. Сегодня она проснулась в современной большой спальне, ну, да, это была 'ее' спальня, к которой она привыкла. Поначалу Лиде доставляло удовольствие представлять себя в разных декорациях: то она живет в альпийском холодном доме, с ярко горящим в углу очагом, то в экзотическом маленьком бунгало со стенами из лиан. То Лида играла в пробуждение на старой родительской даче, в своей комнат-

ке, с узкой кроватью, разохшимися скрипящими половицами: из раскрытых окон доносятся гудки электричек и дальних поездов, слышен звук колодезного вала, ведра гремят. Лида баловала себя большими армейскими палатками, которые стояли на южных горках студенческого лагеря под Туапсе. Она наслаждалась обстановкой минувших лет или даже вовсе вымышленной, основанной на фотографиях из туристических буклетов. Красивые 'картинки' без людей. Лида должна была просыпаться одна. Вокруг нее могли быть только клиенты, или как их еще называли, – подопечные: женщины, чаще почему-то мужчины, редко старики. Детей не было никогда. Какие уж тут могли быть дети. Надо было принимать РЕШЕНИЕ, это могли делать только взрослые, хотя не только в этом было дело.

Лида прошла на кухню и мысленно приказала кухонному оборудованию работать с ее помощью. Она смолочила кофе, засыпала его в фильтр и смотрела, как темно-коричневые капельки попадают в пузатый маленький кофейник. На бутерброды ее не хватило, и налив в чашку горячий ароматный напиток, она увидела, что кофе уже сладкий, со сливками и около чашки на тарелочке ее ждут два тоста с маслом и тонким слоем варенья. Лида уже давно не задавалась вопросом, как это произошло. Ответа в сущности она так никогда и не узнала, впрочем и любопытство прошло. По сравнению с другими удивительными вещами, бутерброды были сущей мелочью.

Лида пододвинула к себе сегодняшний список клиентов. Шесть человек: 4 мужчины и две женщины. Она про них кое-что знала, не все конечно, но многое. Так ... кто там на сегодня ... известный политолог ... или кто он там ... Красновский, культуролог из Нью-Йорка Ясулович, фотограф из Сан-Франциско Дворкин, какой-то парень из Братска, некий Титов ... господи, а этот-то зачем тут? И еще две бабы: пожилая женщина из Нижнего Новгорода, Нина Васильевна Львова, ничем особо не примечательная одинокая особа, и еще более пожилая москвичка Изольда. Ее фамилия помечена звездочкой: из-за 'звездочки' с ней будет сложнее, чем с другими. Интересно. Лида в последний раз просмотрела досье на каждого. В ряду клиентов инородным телом выделялся простой парень из Братска. Трудно разговаривать с 'простецами' ... они будут говорить на русском, но все равно на разных языках. Лида внутренне напряглась, лоховые ей попадались редко и правильный с ними тон давался ей нелегко. Так, в каком они придут порядке? Ага ... Красновский, Ясулович, Львова, Титов, Дворкин и эта старуха Мисина. Лиде хотелось бы самой решать, в каком порядке проводить интервью, но по каким-то мало ей понятным причинам, это за нее решали 'хозяева'. Ломать голову над тем, почему именно эти люди попали в список, тоже было совершенно бесполезно, это было ведомо только хозяевам. Наверное зря она их так называла, какие они на самом деле хозяева, но с другой стороны, Лида к этому слову привыкла. Пусть так ...

Нужно торопиться. До выхода из дома два часа. Она должна успеть просмотреть материалы по клиентам. Начнем с Красновского. Лида прошла в довольно просторный и светлый кабинет, уселась за письменный стол, достала из ящика бумагу и вооружилась ручкой. Ей нравилось работать по старинке, делать заметки чернилами, так ей лучше думалось. Она откинулась в кресле и пристально уставилась на противоположную белую стену. Под ее взглядом стена начала светиться чуть голубоватым и постепенно на ней стали проступать силуэты: широкий студийный стол, двое людей, мужчина и женщина сидят напротив друг друга. Обаятельная умная ведущая и Красновский. Передача 'Особое мнение'. Лида с мужем ее иногда смотрели. Муж Красновского обожал, а она не могла себя заставить принимать его всерьез. Камера переходила то на одного, то на другого, а Лидин взгляд охватывал всю тесную студию. Она видела то, что обычные телезрители видеть не могли.

Вокруг стола камеры, их две, за камерами расхристанные молодые люди в мешковатых майках с надписями, которые Лида машинально прочитывает. У нее создается четкий эффект присутствия. Слышно, как тяжело дышит Красновский, ведущая, когда видит, что она не в кадре, зеваает и делает знаки Красновскому, чтобы он заканчивал, показывает рукой на большие часы: уходим, мол, на рекламу. Реклама 3 минуты, оба пьют воду, Красновский шутит, явно хочет ее рассмешить, ему это удается. Женщина снимает под столом

туфли, сморкается, делает краткий звонок домой, но ей никто не отвечает, и это ее немного огорчает. Она смеется шуточкам Красновского и называет его Стасом. Стас из тех, кто не может перестать рассказывать женщинам анекдоты, не со-знавая, что когда их так много, они становятся несмешными. Женщина ему очень нравится, но в глубине души Красновский знает, что с ней у него ничего никогда не получится.

Рядом зажигается табличка 'эфир', передача продолжается, и видно, что для них обоих все это работа, особенно для нее. В перерыве она опять звонит домой, говорит с мужем о каких-то гостях. Господи, зачем ей ведущая, ей на Красновского надо смотреть. А что на него смотреть, он и так ей известен: говорит очень быстро, грамотно и лексически богато. Речь эрудированного интеллигентного человека, привыкшего говорить на аудиторию. Контролирует себя хорошо, вслушивается в свои слова и явно собой любит, хотя ... тут не все так просто: через стекла очков видны его близорукие глаза, в них какая-то тайная печаль, отзвуки постоянно присутствующих комплексов, с которыми надо бороться, иначе они победят. Внешность совершенно еврейская, не хватает кипы и пейсов. Здорово смотрелся бы как ортодокс. Тут все опять же не гладко. Сколько раз он подчеркивал свое христианство, публично в эфире крестился.

Ага, ага ... Экран на секунду меркнет и Лида видит Красновского в Доме книги на Новом Арбате: сидит за низким столиком, вокруг кучка людей, не так уж много. Краснов-

ский подписывает свою новую книгу, спрашивает у хозяина книги имя и быстро пишет ... на его губах улыбка. Улыбка победителя, довольного и гордого собой человека, но есть еще и просительность, доля заискивания: 'я надеюсь вам моя книга понравится ... полюбите мою книгу ... я талантлив ... я литератор ... я не такой как все ... '. Ну да ... и это тоже.

Лида еще немного 'листает' видео досье Красновского, потом экран гаснет, превращаясь в обычную белую стену. Я сто раз видела его по телевизору, составила определенное мнение, но лично с ним не знакома. Если бы была знакома, его бы к ней не прислали. Красновский сегодня – единственная медийная фигура. Это и хорошо и плохо. Хорошо, потому что у Лиды уже есть свое восприятие этого человека, но это как раз может сыграть с ней злую шутку. Про остальных она вообще, кроме досье, ничего не знает. Так в большинстве случаев и бывает. Есть еще Ясулович ... Ясулович, Ясулович ... какая-то знакомая фамилия, может статьи его попадались. Конечно, изучая 'досье' Лида читала его статьи, и сейчас трудно сказать, слышала ли она о Ясуловиче раньше, или ей это только кажется. Неважно. В любом случае Лида понимала, что ее глубинные знания о 'клиенте' не основываются только на 'досье'. Ну, что такое 'досье'? Какие-то разрозненные факты, видеоряд, поведенческие паттерны. Для интервью этого было недостаточно. Разговаривая с человеком, она каким-то образом знала о нем такие вещи, которые никому, кроме близких не могли быть известны, а главное она знала

то, что и сам человек о себе не знал, возможно подспудно ощущал, но не знал, или просто не хотел себе признаваться, что он такой ...

Ладно к делу! Красновский уже в капсуле. Странный малый, чем-то однако Лиде неприятный. В Москве зима, она сегодня туда вернется и ее будет ждать снег, раскатанный лед автобусных остановок, в метро уборщицы широкими щетками везут темную грязную жижу к стокам. Ладно, не стоит сейчас про метро ... подумаем о Красновском. Он метро вообще никогда не пользуется. Сейчас товарищ 'главный специалист' телеканала 'Дождь' на даче, старая, как ни странно довольно запущенная дача, купленная в девяностых, когда Стасик еще только начал работать. Он живет один, но на даче есть экономка, она подала Стасу завтрак, плотный, Стасик очень любит поесть. Сейчас он совершает традиционный моцион на лыжах: хороший круг, километров в десять, по лесу от Кратово, через Отдых до самой платформы '42-й километр'. Когда Белковский выбирал дачу его то привлекали новые дома с евроремонтом, то старые дачи академиков со своей особой историей. Милый Стасик, отнюдь не аскет, а падкий на понтовый комфорт, все-таки выбрал бывшую дачу нейропсихолога Лурье, которую тот купил еще в 40-ых у каких-то знатных репрессированных. Стас дал себе труд изучить историю дома и при случае любил рассказывать ее гостям. Лида еще не знала, как она сможет использовать информацию про дачу, такие вещи надо решать уже в ходе бе-

седы. В этом был ее профессионализм ценимый 'хозяевами'.

Красновский уже на лыжне, в лесу хорошо, никого нет, день-то будний ... пыхтит, ход его давно замедлился, а платформа 42-ой километр, до которой он обычно доезжал и разворачивался к дому, все не показывается. Стас начинает недоумевать, он устал, ему уже кажется, что он почему-то потерялся, отклонился от привычной дорожки. Что ж удивляться, этой зимой он в первый раз устроил себе лыжную прогулку, в лесу все немного по-другому, чем прошлой зимой. Еще минут десять, и Стас начнет беспокоиться. Знал бы он, что вовсе уже не 'там', т.е. и 'там' тоже, но не только. Незаметно для себя он перешел черту и попал ... в капсулу. Ох, уж это понятие 'капсулы' или 'шлюза', 'портала', для образованных 'гейта' ... людям надо было много времени, чтобы принять, что они в несколько другом мире. По опыту Лида знала, что вся первая часть беседы уходит именно на это осознание. Одни принимали новое понятие, другие продолжали паниковать.

Лида вышла из дому, прошла по залитой солнцем лужайке и постепенно начала ощущать, как холодеет вокруг нее воздух, ее белый легкий сарафан сменился на теплый лыжный костюм: стеганные красные штаны и синяя куртка. Лида на лыжах, в одно легкое касание палок она скользит по накатанной широкой лыжне. Хорошо, щеки пощипывает легкий мороз, Лида себя не видит, но знает, что у нее раскраснелось лицо, глаза блестят, ветер есть, но он не обжигает,

просто приятно холодит разгоряченный лоб, с надвинутой на него вязаной шапкой. Интересно, что она больше любит? Лето или зиму? Большинство сказали бы, что лето, а вот она не уверена: зима в подмосковье замечательна! Особенно за городом, в тихом сосновом лесу. Вдалеке она уже различает грузную невысокую фигуру Белковского. У нее еще есть минут пять-семь. Интервью она начнет ровно в 11:30. Время есть. А у Стасика наверняка уже неважное настроение, он встревожен и утомлен, начинает себя ругать, что вообще поперся на лыжах.

И у нее когда-то возникло похожее чувство. Можно ли клиентам полностью избежать этого чувства тревоги и неуверенности от потери контроля над ситуацией? Похоже, что нельзя. Наверное, так специально сделано: переход в капсулу должен сопровождаться неуверенностью. 'Коридор' для этого и служит, создавая эффект пугающей непонятности. Испугавшийся человек тогда рассматривает ее появление как добрый знак, она им поможет и доверие начинает устанавливаться. Так надо. Клиенты уже давно были для Лиды 'работой', но иногда, когда ей вспоминался собственный 'переход', она им сочувствовала. Сегодня как раз был такой день. Бедный Красновский. И бедная она ... Лида увидела себя в большой библиотеке, 'Иностранке', как ее все называли.

Это было ровно 5 лет назад, 22 марта 2010 года. Лида

уже давно была преподавателем московского пединститута, преподавала французскую литературу, довольно скромный вводный курс, ничего особенного. Чтобы преподавать французскую литературу как следует, надо было работать в МГУ на романо-германском отделении филфака. Как Лида честно сама про себя думала, для этого она мордой не вышла. Сама она когда-то заканчивала ИнЯз, в школе проработала совсем недолго. В тогдашний МГПИ им. Ленина ее поначалу взяли почасовиком, и то Лида считала, что ей невероятно повезло. Мамина старая подруга пристроила ее по блату. Потом Лида всячески обхаживала профессора Рабиновича, тогда любой курс литературы преподавался по его учебнику, совершенно впрочем 'марксистско-ленинскому': поэты Коммуны, писатели-коммунисты, писатели-демократы, и совершенно забронзовевшие классики. В учебнике все почему-то начиналось с 19 века. Остальной литературы как бы не существовало. И вот Рабинович доверил ей преподавать его, еще не изданный учебником, курс 17-18 веков и еще она вела семинары по 19-20 веку. Замечательное было время! Лида и представить себе не могла, что работа может быть такой интересной.

В тот мартовский день, только что началась неделя каникул и она воспользовалась передышкой, чтобы отправиться в библиотеку искать материал по Сирано де Бержераку. Вернее, дело было не в самом Сирано, а в 'новом романтизме', представленным Эдмоном Ростаном в пьесе Сирано де

Бержерак. Ростановский Сирано представлялся читателям и зрителям бедным длинноносым воином-поэтом, победителем дуэлей и автором любовных стихов, обращенных к даме сердца Роксане. Лиде было прекрасно известно, что настоящий Бержерак вовсе не был никаким таким героем, а был наоборот весьма противным, злым и закомплексованным парнем, покинувшим в трудную минуту собственного отца, и уже конечно никогда не бывший любовником пресловутой Роксаны, своей двоюродной сестры, на много лет его старше и откровенно уродливой. Цель Лиды было доказать, что в этом красивом приукрашивании действительности 'новый романтизм' бель-эрок как раз и состоял.

Был понедельник и Лида особенно не торопилась, библиотека закрывалась в девять. Подошла к каталогу, долго там рылась, выдвигая различные ящички и злясь, что основной фонд еще так слабо оцифрован. Карточки ... карточки, какой-то прошлый век. Карточки из каталога было вытаскивать нельзя. На специальном бланке следовало выписать библиотечный номер и подойти со своими запросами к стойке библиографа. Лида работала в специальном зале, где никто к самим фондам до допускался. Ты ждал и твои книги тебе вывозили на тележке с кипами других 'запросов'. Ждать пришлось долго, минут сорок, не меньше, потом Лида, уже немного раздраженная, уселась за длинный стол и начала работать: перелистывала, клала маленькие закладки, что-то выписывала. 'А где же ... эта-то книжка? Не принес-

ли?' – Лида решительно отправилась к стойке.

– Простите, я еще один запрос сделала ...

– Какой запрос? Где ваш бланк?

– Ну что вы меня сейчас про бланк спрашиваете? Я все бланки вам отдала. Одной книги не хватает, я только сейчас заметила.

– Ну, ладно, не надо нервничать. Сходите к каталогу и еще раз выпишите этот номер. Вам принесут.

– Да, я сейчас снова отдам вам мой запрос, а потом еще сорок минут буду ждать.

– Ну, вы же все равно работаете. Пользуйтесь пока другими источниками, а вам книгу поднесут.

– Я не могу продолжать работу без этой книги. Она мне сейчас нужна! – Лидин голос сделался нервным, она раздражалась, хотя и понимала, что трамвайный скандал в библиотеке затевать нельзя. Надо взять себя в руки.

– Ну, не беспокойтесь вы так. Принесите мне номер и посмотрим, что можно сделать. Извините, что так вышло.

Библиотекарша извинялась, и Лиде нечем было крыть. Когда она принесла к стойке бланк с номером, обе уже были вполне друг с другом любезны. 'А давайте сделаем так, чтобы вам не нужно было ничего ждать. Пойдемте со мной в хранилище, найдем вашу книгу и вы начнете работать. Проверите заодно, так ли вам необходима эта книга. Пойдемте

быстренько, пока никого нет ... Варвара Петровна, я выйду на минуту, побудьте тут за меня. Варвара Петровна ... 'Идите, идите, я постою' – ответила милая седая старушка, наверное из тех, кто еще работал на Петровских линиях. Лида помнила, что немного удивилась чужой любезности. Зачем вообще тетка приглашала ее в хранилище, могла бы и сама сходить. 'Наверное, ей неудобно, что я снова буду ждать'. Они быстрым деловым шагом пошли вглубь зала, открыли дверь с табличкой 'посторонним вход воспрещен', завернули за угол и библиотекарша вызвала лифт, который стал быстро проваливаться в глубину здания. 'Ага, хранилища у них в подвалах ... ну, правильно, так и должно быть' – успела подумать Лида. Потом они вышли в узкий коридор, откуда открывались двухстворчатые двери в большие темноватые залы, с первого взгляда казавшиеся совершенно пустыми. На дверях висели таблички с индексами и номерами. 'Тут наш научный фонд ...' – тетка принялась что-то ей объяснять про структуры фондов, но Лида слушала плохо. В таких залах она была впервые: целые стенки с книгами оказывается двигались. Их можно было раздвинуть на расстояние или придвинуть вплотную. 'Какой ужас! А вдруг там кто-нибудь стоит, можно, ведь, задавить' – подумалось ей. Библиотекарша, как будто прочитав ее мысли, сказала: 'это неопасно. Есть датчик, если между полками человек, или даже скамейка, стенды не сдвинутся. Тут автоматика'. 'Да, ладно ... автоматика. Все равно неприятно' – Лида поежилась.

Полумрак залов рассекали яркие лампы искусственно-го света, они, видимо, зажигались только, если поблизости находился сотрудник. Библиотекарша, держа в руках бланк-запрос, подошла к какой-то полке и едва заметно крутану-ла врезанное в переднюю панель колесо-штурвал. Раздалось еле слышное шелестение и полка отошла влево. 'Проходи-те, это где-то здесь ... так, так ... мы уже близко' – тетка шла между полками как-то слишком быстро. Ее бормотание становилось еле слышным. 'Куда же вы ... эй ...' хотелось крикнуть Лиде, но она смолчала. Что за 'эй'? Как-то глупо. Сейчас ей дадут книгу, они вместе вернутся наверх. Тетки уже не было видно. Она наверное куда-то свернула, но куда? Остальные стеллажи были вроде сдвинуты. 'Ой, может она забыла, что я здесь, сейчас опять что-нибудь крутанет, и меня прихлопнет, как муху' – Лидой овладела легкая паника. Ситуация явно представлялась ей неприятнее, чем она могла на самом деле быть. Свет внезапно погас. Силуэты полок едва вырисовывались и Лида уже совершенно не могла видеть, что написано на корешках старых и новых томов. 'Нет, ну это уже не смешно ... и зачем я с ней поперлась? Идиот-ка. Сидела бы сейчас в зале и ждала. Нечего было выпендри-ваться, что она видите ли работать без этой дурацкой книги не может. Очень даже смогла бы ... Развилось в ней какое-то трамвайное хамство в последнее время: дай поскандалить, побурчать, повыступить ... Лида попыталась взять себя в ру-ки и начать искать выход. Есть же здесь где-то люди. Надо ее

позвать. Но как? Нельзя же позвать: 'Эй, тетя! Или, эй, женщина!' – не пойдет, а имени библиотекарши Лида конечно не знала. 'Эй, послушайте! Вы где? Тут света нет' – попробовала она тихонько позвать, но никто не отозвался. Лида, держась руками за полки, пошла вперед. Книжный ряд был нескончаем. Потом она вышла в какой-то прогал, типа коридорчика, за которым стеллажи продолжались, устрашающе уходя в подобие бесконечности. Людей вокруг по-прежнему не было, но, слава богу, хоть стеллажи стояли на месте. Лида даже перестала бояться, что ее прихлопнет. Теперь она хотела только одного: найти дорогу к лифту и подняться наверх. Работать сегодня ей полностью расхотелось, дом и чай с мужем и детьми казался несбыточным счастьем. 'Я потом сама буду над своими злключениями смеяться' – пыталась успокоить она себя, но ей уже было не до смеха. Постепенно Лидой начала овладевать паника, замкнутое темное мрачное пространство давило на нее, ей уже сильно хотелось плакать, стало казаться, что она так тут и останется, не хватало воздуха, что-то душило, в горле зацарапало, слюна не проглатывалась, заломило виски.

Вдруг впереди замаячил слабый электрический свет, мерцание маленькой настольной лампы. На крохотном островке между стеллажами за письменным столом сидел мужчина средних лет и доброжелательно смотрел на Лиду поверх очков. На столе перед ним были разложены книги и листы бумаги. Лида враз успокоилась и подошла к мужчине поближе:

интеллигентный человек с умными внимательными глазами, смотревшими на нее удивленно. Все страхи моментально показались Лиде дурью, как же быстро она ударилась в панику. Не будет она об этом глупом эпизоде никому рассказывать, даже дома. Что это на нее нашло?

– Девушка, что это у вас такой растерянный вид? Вы, что, потерялись?

Лида молча кивнула, понимая, что она сейчас довольно глупо выглядит.

– Это немудрено. У нас тут черт ногу сломит, вернее – порядок, но надо в нем разбираться. Вы же не сотрудница?

Лида опять отрицательно покачала головой. Стыд какой, точно язык проглотила.

– Ну, присядьте на минутку. Придите в себя. Я вас потом провожу, Лидия Сергеевна.

Ой, откуда он знает, как ее зовут? Это уже ни в какие рамки не лезет. Может видел ее бланк-запрос, там вроде есть имя и фамилия. Скорее всего тетка-библиотекарьша ее потеряла и просила сотрудников сказать, если увидят ... Ну а что еще ... Больше ничего быть не может, ну, если без мистики. В мистику Лида не верила.

– Вы, наверное удивляетесь, что потерялись ... это я хотел, чтобы так вышло.

Дядька замолчал, и Лида молчала тоже. Бред какой-то ... зачем ему это надо. Что-то тут не так.

– Я не понимаю: вы хотели, чтобы я потерялась? Зачем? Что за дикость? Вы меня знаете или хотели со мной познакомиться? Глупая шутка, я такого юмора не понимаю. А откуда вы, собственно, знаете мое имя?

– О, сколько вопросов. Это хорошо. Вы в известной степени правы, я хотел с вами познакомиться. Лида, можно я буду вас так называть ...

– Нет, нельзя.

Лида уже начинала всерьез злиться. Дядька ее не то чтобы пугал, скорее настораживал. Что ему все-таки от нее надо? Пусть быстрее говорит, что он от нее хочет и она наконец пойдет домой.

– Что вы от меня хотите, говорите быстро, мне пора домой.

– Лидия Сергеевна, быстро у нас с вами не получится. И домой, кстати, вам вовсе не надо. Вы предупредили мужа, что раньше девяти не вернетесь. Вы не беспокойтесь, я вам не причиню никакого зла. Мне просто надо с вами погово-

ритель и потом вы сами решите, как поступить ...

– Хорошо, я вас слушаю.

Лида внезапно успокоилась. Мужик не производил впечатления маньяка.

– Ладно, постарайтесь меня не перебивать, хотя я понимаю, что вам это будет нелегко. Так вот ... вы думаете, вы в хранилище Иностранки? Так?

– Так, разумеется. Где я еще могу быть. Давайте без этих предисловий. И дело не в том, что обо мне муж волнуется, а просто хочу домой. Это ясно?

– Нет, Лида, вы уже не хотите домой. Вам стало интересно, что я вам хочу сказать.

Надо же, он упрямо называет ее Лидой, а она не реагирует ... Конечно, он прав, она не уйдет пока не узнает, что он хочет.

– Так вот, Лида, это вам только кажется, что вы в Иностранке, в Москве. Вы перешли черту, и находитесь в некоем пространстве, назовем его пока 'капсулой'. Существуют и другие названия, вы потом сами выберите, какое вам по душе.

– Что? Что вы такое говорите, какая 'капсула'? Я никогда на слышала такого бреда. Вы все это серьезно говорите и

действительно думаете, что я не понимаю, что вы мне голову морочите? Капсула ... шмапсула. Что вы несете, а главное, зачем? Как вас, кстати, зовут.

– А, ну да, извините, что не представился. У меня по сути нет имени в вашем понимании этого слова. Впрочем, правда, без имени нам будет неудобно общаться. Называйте меня ... ну, как вам нравится? Скажем ... Андрей. Нормально? Сейчас мы остановимся, потому что пока вы не поверите, что вы не в Москве, а в 'капсуле', дальнейший разговор не имеет смысла.

– Андрей, пока вы мне не докажете, что мы, как вы говорите, в 'капсуле', ничего действительно не выйдет. Вы сами-то понимаете, как ваши слова для меня выглядят?

– Да, да, вы правы. Лида, послушайте меня ... вспомните, как вы шли за библиотекарем вдоль стеллажа, вам показалось, что она идет слишком быстро, удаляется, исчезает, вы остаетесь одна, и свет гаснет ... Так было?

– Так.

– Женщина эта вовсе не шла быстро, она шла нормально и никуда вас из виду не теряла. Сейчас она давно наверху с вашей книжкой. Она вообще ничего этого не видела и не догадывается, что с вами произошло. Когда вы потеряли ее из виду, произошел 'переход', и вы попали сюда к нам ...

Господи, куда к вам? Лида замолчала. Ее переполняли мысли, тысячи вопросов, она пыталась выстроить их в своей

голове в каком-то логическом порядке, но у нее не получалось. ...

– Вот вы говорите, что библиотекарьша 'ничего не заметила', но она в зале с книжкой, но меня-то там нет, книжку она мне не отдала.

– А с чего вы решили, что вас нет в зале? Вы в зале, взяли книжку ... сидите работаете, скоро будете домой собираться. В этом-то все и дело. В Москве ничего совершенно не нарушено, ни с вами, ни с кем.

– Вы хотите сказать, что я раздвоилась? Вы это хотите сказать и считаете, что я вам поверю?

– Лида, я читаю ваши мысли. Простите. Сейчас вы, как это обычно с вами бывает, вспомнили рассказ Эме 'Сабини', там тоже женщина существовала в сотнях сущностей ...

– Откуда вы знаете, что я вспомнила об Эме? Я же действительно вспомнила ... это, наверное, просто совпадение, вы угадали.

– Нет, не угадал. Я 'вижу' ваши мысли. А насчет 'поверю' ... да, вы мне в итоге поверите. У вас выхода не будет. Вы же разумная женщина, иначе мы бы с вами не разговаривали. Я – 'вербовщик', вернее, не простой 'вербовщик', я ношу более высокий титул, но сейчас это не важно. Я провожу с вами интервью, сейчас идет первая часть, самая для вербовщика сложная: убедить собеседника, что он в другой реальности, которую я называю 'капсулой', хотя это условное название.

– Ладно, идет ... я приму, что мы, как вы говорите, в 'капсуле', если вы меня убедите. Предупреждаю, это будет трудно.

– Да, нет, Лида, нетрудно. Какое сейчас в Москве время года, какая была погода сегодня? Загадайте, что вы хотите видеть за окном?

– А что тут окна есть?

– Есть, я их вам покажу.

– Не буду я ничего загадывать, вы меня заставляете участвовать в мистификации.

– Не хотите даже попробовать? Пойдемте к окнам.

Лида пошла за Андреем по неожиданно светлому коридору и увидела широкие офисные окна, через стекло был виден летний пейзаж: поросший красными цветами газон, фонтан.

– Это что, какой-то зимний сад в помещении?

– Ну, Лида, разве я похож на человека, способного на такой дешевый трюк. Никакой это не зимний сад. Я его сейчас во что-нибудь другое переделаю. Хотите море?

Лида не успела ответить, как за стеклами совсем близко белыми барашками заплескались волны прибоя. Под взглядом Андрея они делались то больше, то меньше, самые высокие ударялись в стекло и рассыпались мелкими брызгами. Вода казалась зеленой, в ней отражались солнечные лучи,

блики играли на поверхности, создавая ощущение зыбкого зеркала. Андрей смотрел на нее, не улыбаясь, не строя из себя фокусника. Было видно, что он хочет продолжать, а все эти метаморфозы для него не более, чем скучная процедура, с которой он хочет как можно быстрее покончить.

– Ладно, я поняла ... мы в капсуле. Пусть будет так. Зачем мы с вами здесь. Кто вы? Можете вы мне сказать, кто вы?

– Вы хотите вернуться в библиотеку, или есть какое-то другое место, более для вас комфортное. Мне надо, чтобы вы были совершенно расслаблены.

– А мы можем пойти в какое-нибудь кафе?

– Пожалуйста. Выпьем кофе, может что-нибудь поедим. Вы же голодны.

Лида заметила, что пространство перед окном начало чуть искривляться, у нее создалось ощущение едва заметно-го кружения и они с Андреем уже сидели за маленьким столиком: темноватый небольшой зал, приглушенная музыка, перед ним чашка кофе, перед ней тарелка с едой и бокал с минеральной водой.

– Кто это нам принес? Где все ... люди?

– Нет, здесь, Лида, людей. Только мы с вами. Так надо. Пространство, которое я образовал вокруг нас, принадлежит только нам. Других тут не может быть. Еду нам никто не при-

носил, я ее как бы 'сделал'. Впрочем, она реальная, без дураков. Вы ешьте, а я пока вам кое-что объясню. Вот вы меня все время спрашиваете, кто я? Откуда? Логичный, разумеется, вопрос, ожидаемый. Но ответить, учитывая ваши традиционные понятия об устройстве мира, совсем нелегко. Я, строго говоря, не человек ... Андрей замолчал, давая Лида время переварить сказанное.

– А кто? Я не понимаю. Ни в бога, ни в ангелов я не верю.

– Бога нет, есть понятие о нем, как об идее, бог не кто-то, а что-то ... Вокруг вас, Лида, мириады миров, они существуют параллельно. И не надо думать о далеких галактиках, населенных нелепыми существами, дело не в этом. Миры, о которых я говорю, подобны вашему ... те, кто там живет, так же, как и вы, не подозревают о том, что где-то есть Лида, живущая в своем параллельном пространстве похожей, или даже точно такой же жизнью. Я понимаю, что вам это очень трудно принять, но ... попробуйте. Я мог бы долго распространяться об альтернативных реальностях, о разных 'пятых измерениях', на самом деле их существует не пять, а сотни, не стоит этого делать. Поверьте моему опыту. Ученые-математики меня бы внимательно слушали, а вас я только утомлю своими 'квантовыми туннельными переходами' или 'черными дырами'. Из вашего мира наблюдать параллельные нельзя, они свернуты в пространстве особым образом. И вариантов их бесконечное множество. Вы читали, конечно, сказку

о зазеркалье, куда попала Алиса? Проблема в том, что людям не дано перемещаться в пространстве и времени. Я вам предоставил возможность совершить такой переход. Сделал я это не случайно. Вы мне нужны.

– Вы мне так и не говорите, кто вы такой? Если вы не человек, то кто?

– Это трудно, Лида, объяснить. Считайте, что я некий демиург, возникший как материальное воплощение идеи ... я часть синклита демиургов вселенной ... должность моя невелика. Я просто ищу людей, которые могли бы стать 'вербовщиками' Вы – потенциальная вербовщица. И вообще, Лида, не заморачивайтесь насчет меня. Я для вас Андрей, ваш связник с демиургами, я тот, кто может конкретно объяснить вам, что от вас ждут. Вы примете решение, и если оно будет отрицательным, я навсегда исчезну из вашей жизни.

– Хорошо, что я должна делать?

– Мы в вас, Лида, не ошиблись. Слушайте. Буду краток, а потом отвечу на все ваши вопросы.

Андрей сейчас напоминал Лиде терпеливого преподавателя, приготовившегося читать лекцию, которую ему уже много раз приходилось читать. Уверенность в успехе, гордость собой, размеренный, хорошо поставленный голос, выверенные повадки ... рутина, успокоенность профессионала, делающего то, что он прекрасно умеет, помешанная на скуку и пресыщенность.

– Синклит выбирает людей из вашего мира, сразу скажу, что их в процентном отношении ничтожно мало, и предлагает каждому шанс жить еще раз своей жизнью в альтернативном мире. Согласившийся шанс использовать, проживает другую жизнь в другом пространстве, но синклит этого человека меняет. Изменения могут показаться незначительными или наоборот важными, но одна или реже несколько корректив жизнь в другом мире меняют, к лучшему или к худшему ... это зависит от множества факторов. Мы говорим о том, что вы называете судьбой, и что сильнее влияет на судьбу: свойства личности или случайные обстоятельства – это вопрос спорный. Сейчас синклит занимается проблемой 'судьбы'. Сразу предупрежу ваш вопрос: кто попадает в список, по каким критериям? Людям выбор может показаться случайным, как сейчас говорят, рандомным, но, поверьте, отбор не случаен.

– Вы мне предлагаете такой шанс? Я не хочу ...

– О, не спешите, впрочем вам не суждено жить в альтернативном мире. Вы будете вербовщицей, и только ...

– А капсула?

– Вы имеете в виду, что капсула – это и есть альтернативный мир? Нет, это просто капсула, она портал в параллельную действительность. Капсула искусственна, я и другие члены синклита ее создают ... для всяких, скажем так, надобностей ... Мир, где будет жить люди из списка, постоянен

и не зависит ни от чьей воли. Он просто существует ...

– А 'вербовщицей' быть трудно? А вдруг я не смогу?

– Сможете, иначе вас бы не выбрал синклит. Вы согласны?

– Да, но мне не очень пока ясно ...

– Ну, конечно, Лида, я отвечу на ваши вопросы, и потом всегда буду рядом, вы сможете со мной, если надо, поговорить.

– Вы здесь со мной будете?

– Нет, в этом нет необходимости.

– Постойте, мне надо понять, а зачем мне все-таки это все нужно? Ну, для чего я буду на вас работать? Мне-то что от этого?

– Хороший вопрос. Речь, как вы поняли, не идет о деньгах. Тут фишка в другом.

Лида про себя удивилась, что он использует жаргонные современные слова. Станный малый. 'Не человек', якобы. Муть какая-то.

– Так в чем же фишка? Мне же наверное трудно будет, это же работа.

– Ну, понимаете, я уверен, что вам ваша, как вы говорите, работа, понравится. Это 'ваше' гораздо в большей степени, чем преподавание. А потом не считайте это работой, это – служение. Вы будете на своем месте. Считайте, что вы не совсем правильно выбрали профессию, а теперь мы даем вам

шанс делать то, что у вас лучше всего получается. Согласитесь, многие люди мечтали бы оказаться на вашем месте. В ком-то пропал актер, а ком-то художник ... ваша деятельность в капсуле будет компенсацией за невыявленные способности. Есть еще резон: в капсуле вы не будете стареть, напротив вы ощутите себя на пике своих физических, моральных и интеллектуальных возможностей. Вам сейчас 54 года. Вы не болеете, но для женщины это уже спад. Разве не так? А в капсуле вам будет, ну скажем, 35 ... примерно. Всегда 35 лет.

– Я не буду стариться?

– Будете, но настолько медленно, что это незаметно. Время в капсуле течет ничтожно медленно. Можно даже сказать, что оно вовсе не течет. Для своих надобностей вы сможете его отмерять, но это условно.

– Я, что, буду в капсуле жить? Одна?

– Нет, кто вам сказал, что вы там будете жить. Вы будете там работать, проводить рабочий день. Потом вас там не будет.

– Почему?

– Опять хороший вопрос. Я вами, Лида, доволен.

Он, главное, ею доволен. Как будто он ее учитель, начальник или хозяин. Лида хотела что-то по-этому поводу сказать, но под его взглядом осеклась. Ну, да, он хозяин и есть. Сейчас она почувствовала, что теоретически может отказаться,

но не откажется. Предложение хозяина, ей почему-то стало трудно называть его Андреем, теперь казалось ей настоящим благом, даже счастьем, от которого может отречься только дурак.

– Для того, чтобы создать и поддерживать капсулу нужно, непредставимое для людей, количество энергии. Когда вы не будете вербовать людей из вашего списка, этим будут заниматься другие вербовщики. Мы не можем позволить себе селить в капсуле вербовщиков, чтобы они там наслаждались жизнью. Капсула для изучения 'досье', для подготовки интервью, для работы с клиентами. В вашем мире это будет незаметным мигмом. Это все. Весь цикл занимает примерно двое суток по условному времени капсулы. Вы их проведете в работе, с перерывом на отдых. Еще раз вынужден вас спросить: вы согласны?

Лида кивнула, никаких новых вопросов ей в голову не приходило. Хотя ... нет, есть еще вопросы, более что-ли практического свойства.

– Вы сказали, мне 54 года ... пройдет еще сколько-то времени и я умру. Вы, кстати, знаете, когда я умру?

– Знаю, Лида, но, как вам известно, будущее для людей неведомо. Не будем об этом говорить. Когда вы умрете, ваша деятельность в капсуле автоматически прекратиться. Это

верно только в отношении вербовщиков. Для тех, кто будет жить в 'альтернативке' жизнь, естественно, продолжится. Это же другая жизнь. Ладно, Лида, у вас возникнет еще масса вопросов, при вербовке вы увидите, что люди будут, в зависимости от своего интеллектуального уровня, задавать разные, более или менее интересные и логичные вопросы, которые будут повторяться. Люди предсказуемы. Сами в этом убедитесь.

– А когда мне нужно будет 'вербовать', как я в капсулу попаду?

– Ну, это не проблема. Хотите, давайте вместе придумаем для вас простой переход, заранее договоримся, куда вам в назначенный день идти. Попользуемся этим переходом, пока вам не надоест, а потом что-то другое придумаем. А сейчас я вас провожу ... Хотите в лифт или сразу в зал?

Лида осознала себя в зале. Людей вокруг было уже совсем немного, она собрала свои вещи, и через пять минут ходьбы по утопанному блестящим ледком тротуару вошла в метро. Ей удалось подготовиться к лекции по новому романтизму, но про то, что с ней случилось, она вовсе не забыла. Она будет сотрудницей капсулы, но это не имело ничего общего с ее жизнью немолодой москвички, женой, матерью, профессионалкой ... сначала ей казалось, что желание рассказать обо всем мужу будет императивным, они обо всем друг другу говорили, но нет, такого желания не появлялось. Наоборот,

капсула и все с ней связанное – это было только ее дело. Она была 'избрана' и это наполняло ее гордостью, жгучим интересом. Собственный переход в 'альтернативку' они придумали предельно простой. Когда-то совсем молодой девчонкой она встречалась с парнем. Дется им было некуда, и в холодную погоду, чтобы не ходить по улицам, они поднимались на последний этаж старого, бывшего доходного, московского дома в самом центре, и стояли на пустынной лестничной клетке, прижавшись к подоконнику. Этот подъезд все еще существовал. Лида давно, узнав код, открывала знакомую дверь, поднималась на лифте до последнего шестого этажа, и когда тусклая лампочка в кабине едва заметно мелькала, знала, что она 'перешла'. От лестничной площадки уже можно было входить в 'коридор' клиента, а можно было сначала оправляться в свой дом, условное жилище капсулы. Лида так всегда и делала. Впоследствии хозяин, так называть Андрея Лиде было почему-то удобнее, предлагал ей сменить 'коридор', но Лида отказывалась. Старый, мягко идущий, поскрипывающий на этажах лифт, был ей дорог. Зайдя в кабину она каждый раз вспоминала своего Максима. Что с ним с тех пор стало, она понятия не имела. Пролистав в памяти приятные картинки его рук и губ, она сейчас же настраивалась на разговор с клиентом. Мысли о Максиме приводили ее в искомое состояние внутренней взбудораженности, все чувства обострялись до предела, мозг начинал работать на полную мощность.

В тот самый первый раз она так волновалась, что даже принялась жалеть, что ввязалась в дело, которое ей не по плечу. Ей тогда дали не список, а всего лишь одну пожилую женщину: Татьяна, 58 лет. Несчастливая баба, с когда-то легким и общительным, но от одиночества и невзгод, испортившимся характером. Как она будет с ней разговаривать, как объяснит цель их встречи, как заставит принять то, что любому нормальному человеку непременно кажется дикостью.

К 58 годам Татьяна превратилась в грузную шумливую даму с претензией на кокетство. Из досье Лида знала, что Татьяна импульсивна, агрессивна и эгоцентрична. Ее характеру не хватало глубины, но Татьяна об этом не догадывалась. Она вообще упрощала реальность, была несколько наивна и не слишком дальновидна, хотя вовсе не считала себя глупой. Собственное здоровье казалось ей неизбывной ценностью и она вечно им занималась, считая себя очень слабой и болезненной. В конце 90-ых как грибы возникли разные частные клиники и специальные платные отделения в городских больницах, так называемые 'дневные стационары'. Татьяна пришла в больницу на 'капельницу'. 'Прокапать' витамины считалось очень полезным. Татьяна лежала в своей ночной рубашке на высокой больничной кровати с иглой в руке, через систему трубочек в ее вену на правой руке поступала целительная кокарбоксилаза и витамин 'В'. В палате она была одна. В полумраке под действием легкого релаксанта Татьяна расслабилась и даже на какое-то время задремала.

Когда она открыла глаза, то увидела, что жидкость из мешка вся закончилась, за окном темно и ей давно пора вставать и идти домой. Какое-то время она терпеливо лежала и ждала, что к ней, как обычно, придет вежливая медсестра, вытащит из вены иглу, спросит, как она себя чувствует. Никто не шел. Странно. Вот безобразие, даже за деньги не могут нормально работать ... Татьяна сама вытащила иглу и начала одеваться. Сейчас она им устроит ... В коридоре никого не было. Свет был приглушен и Татьяной овладело тревожное чувство. Она заглянула в ординаторскую: 'ага, наконец-то, хоть кто-то ... совсем обнаглели ..., больше она к ним не придет ... но сначала скажет все, что она думает об их платном отделении ...'. 'Здравствуйте, Татьяна Ильинишна, проходите, нам с вами надо поговорить'. Татьяна сразу насторожилась. Пришли результаты анализов и наверное с ней что-то не так. Лида прекрасно знала, что клиентка немного испугана и насторожена. Что ж, так и надо. Сейчас она Татьяну успокоит: 'Как вы себя чувствуете? С вами все в порядке, не волнуйтесь'. Узнав, что с ней все в порядке, Татьяна заторопилась домой, и Лиде надо было брать быка за рога. Лида начала первую часть интервью: 'вы – в капсуле ...'.

И тут все пошло не так. На этом этапе клиент должен быть в шоке, но Татьяна понятием 'капсулы' заинтересовалась как-то слабо, ей явно казалось, что докторша зачем-то морочит ей голову. Лида сразу оценила проблему: эта женщина плохо умеет слушать, ей трудно долго сосредоточиться

на том, что ей говорит собеседник. 'Ну, ладно, капсула ... Я поняла. Что вы от меня-то хотите? При чем тут я?' – Татьяна начала ее перебивать ... Концепция капсулы была философской, а Татьяна привыкла к совершенно бытовым понятиям, слушать про порталы в другие миры ей было откровенно неинтересно. Хозяин предупреждал ее, что так часто бывает: одним людям будет интересна только практическая сторона предложения, а другие постараются проникнуть в суть метаморфозы. Татьяна была исключительно высокого о себе мнения. Она, мол, образованный и культурный человек: ходит по выставкам, галереям, по телевидению смотрит только канал Культура. Артисты и искусствоведы обсуждают книги, постановки, течения, школы. Татьяна слушала их с благоговейным интересом, не замечая, что она слушает 'про книги', которых не читала, 'про спектакли', на которых не была ... смотрит, например, экранизацию рассказа Чехова 'Иванов', но сам рассказ не читала. Знания у нее заменялись нахватанностью, мнение совпадало с мнением специалиста, потому что своего не было. Явления культуры она оценивала на уровне: нравится – не нравится, почему ... ? Потому что так считает ... такой-то, а я его уважаю.

В голове у Лиды мелькали кадры из видеоряда: вот похороны ее утонувшего сына, мать Татьяны валится на землю, падает на колени, ее поднимают, усаживают на траву... Татьяна держится за руку бывшего мужа, не плачет ... И вот другое ... 15-летний парень, ее сын, с огромным интересом

наблюдает через маленькое окошко в ванной пространство туалета ... в туалете – бабушка, он ее там запер ... бабушка стучит в дверь, зовет его ... увещевает ... умоляет выпустить ... потом садится на крышку унитаза и тихо плачет ... потом она неожиданно поднимает голову и видит в окошке внука ... у мальчика на лице слегка дебиловатое, любопытно-азартное выражение исследователя, следящего за ходом важного эксперимента: бабушка для него, как спазматически шевелящаяся букашка, наколотая на булавку. Лида знает, что Татьянин мальчик слегка патологичен: с возрастом патология совершенно бы исчезла, или, наоборот, стала бы доминантной. Процент вероятности 50х50. Ага, еще кадр: Татьяна ссорится с мужем, орет ... муж без замаха хлестко бьет ее по лицу ... ее губы немедленно распухают, по подбородку течет струйка крови ... вот она в гостиничном номере в Ленинграде со своим доктором-любовником ... еще ... похожее ... другие мужчины ... Татьяна любит любовь, любит от нее уставать. На Лидином мысленном экране физическая любовь выглядит животной, безобразной, отталкивающей ... любовник звонит из кровати жене ... лицо его делается приторно-заискивающим, голос сюсюкающим, правой рукой он держит трубку, а левая мнет Татьянину грудь ... А интересно, хоть на подсознательном уровне, Татьяна понимает, что вся ее жизнь тускла, унизительна, местами трагична? Понимает ли она, что ей ни черта не удалась? Лида помнит свое тогдашнее возбуждение: у нее в руках судьба этой женщи-

ны, она предложит ей шанс жить снова и постараться быть счастливой:

– Татьяна Ильинична, вы не очень счастливый человек. Ведь так?

– Откуда вы знаете, что я несчастлива? Кто вам сказал? Ленька?

– Ну при чем тут ваш бывший муж. Нет, я это просто знаю.

– Ничего вы про меня не знаете. Уверена, что вы с Ленькой встречались. Это его стиль: 'Танечка, я не смог сделать тебя счастливой. Прости, Танечка ...

– Я знаю факты вашей жизни: с мужем вы развелись, сын ваш трагически погиб, у вас были мужчины, но никто из них на вас не женился ...

– А вот это не ваше дело! Кто вы вообще такая?

Татьяна агрессивно парировала любую Лидину попытку войти с ней в контакт. То ли клиентка была от природы недоверчива, то ли она сама просто не умеет делать то, что предписано вербовщице. Ничего не вышло, хотя Лида помнила, что очень старалась:

– Постойте, Татьяна Ильинишна, постарайтесь меня не перебивать ... Давайте примем вашу несчастливость за аксиому. Ой, ну зачем она употребила слово 'аксиома', такое Татьяне чуждое. Отец ваш не принимал никакого участия в

вашем воспитании, вы росли с отчимом ...

– И что?

– Не перебивайте меня, прошу вас. Отчим вас не любил, он был хорошим человеком, но полюбить чужую девочку не смог.

– Он и не старался ...

– Татьяна!

– Ладно, ладно ... молчу.

– Вы вышли замуж за мужчину, к которому привыкли, но не слишком любили. Он сделал предложение, а других предложений не было. И тут еще дело было в вашей матери ... она вас баловала и жалела ... и потому вы пошли по линии наименьшего сопротивления: не стали учиться, не искали высоких заработков, не карабкались по карьерной лестнице ...

– Да, вы соображаете, что говорите? Какая карьерная лестница в моем положении ... с моим здоровьем? Как я могла учиться?

– Татьяна, мне прекрасно известно, что мама вас даже от выпускных экзаменов в школе освободила ... какой уж там институт.

– Это потому что у меня всю жизнь вегето-сосудистая дистония. Не знаете, а говорите. Я сознание теряла.

– Ну неважно почему ... мы можем дать вам еще один шанс прожить вашу жизнь ...

– Не надо мне глупостей говорить! Да, я – невезучая, я знаю. Это не исправишь. Счастье мое еврейское! Интересно,

что вы мне можете пообещать? В той другой жизни? А?

Татьяна сделалась откровенно грубой, в ее голосе начали прорываться истерические нотки. Лидой постепенно овладевало чувство безысходности. Клиентка кричала, губы ее некрасиво кривились, лицо покраснелось, было видно, что ситуация злит ее все больше и больше, буквально бесит. Лида предприняла последнюю отчаянную попытку:

– Татьяна Ильинишна, успокойтесь, поймите, мы не приглашаем вас полностью повторить вашу жизнь, об этом и речи нет. Ваша жизнь будет другой, скорее всего более счастливой. Проанализировав перипетии вашей судьбы, свойства вашей личности, ваш характер, мы кое-что модифицируем, изменим и тогда многое у вас будет по-другому.

– Что вы имеете в виду ... насчет моего характера. У меня прекрасный характер, мне другого не надо.

– А вспомните, Татьяна Ильинична, как вы в Америку, в гости к друзьям собрались. Визу получили, вам были готовы купить билет ... а вы взяли и не поехали, как обычно на здоровье сослались, а на самом деле, просто испугались лететь на самолете, выходить в город, получать багаж, языка вы не знаете. Для вас это слишком большой напряг, вы боитесь, просто боитесь всего нового, не решаетесь идти вперед ... Так? Вы пытаетесь оградить себя от стресса.

– Я боялась там простудиться, а потом всю зиму болеть.

– Неубедительно. Вы сами это знаете ... Подумайте, Татьяна ... ну, просто представьте себе на минуту, что в той другой жизни ваш сын не погибнет, он станет взрослым ...

– Не трогайте моего сына! Знали бы вы, что я испытала ... Отстаньте от меня! Отстаньте, у меня нет больше сил с вами разговаривать! А-а-а ...

Страшный животный крик ворвался в Лидины уши. Она смотрела на опрокинутое Татьянино лицо и кожей чувствовала, что клиентка ее ненавидит, именно потому что знает ее правоту. Да, она всего боится, любое сколько-нибудь серьезное решение кажется ей слишком сложным. Решать она ничего не будет, не может, не хочет ... самое главное как-нибудь дожить, смерти она боится, но жить снова – это вообще невозможно. Она знает, что все хотят ее обмануть, а это так просто, она же старая одинокая женщина. Татьяна сделалась истерична, смотрела на Лиду волком, у нее даже руки задрожали.

В результате Лида пришлось свою первую клиентку отпустить, она ей даже ни единого вопроса не задала, до этого дело не дошло. И видео Татьяна, слава богу, не видела. Лида отчиталась перед хозяином за неудачу, он на нее не сердился, даже похвалил, посоветовал в следующий раз начинать с совсем простых вещей, подводить к проблеме более плавно. Официальный отчет был разумеется формальностью, хозяин и так все про Татьянин отказ от шанса знал, но контакт с

вербовщицей считал все равно обязательным. Лида должна была на каждом случае учиться. Она помнила, что спросила его, зачем шанс предлагать таким как Татьяна. Она и так все свои в жизни шансы упустила, и этот тоже ... но Андрей сказал, что 'да, упустила, но именно из-за этого ей нужно было предоставить еще один'. Лида не поняла почему: если ты трус, то так трусом и останешься. Однако с людьми все было не так просто, как ей это тогда представлялось, она начала это понимать только недавно, хотя знала, что до конца критерии выбора синклита не поймет никогда. После Татьяны ей казалось, что ее услуги синклиту больше не понадобятся, она опозорилась, но синклит вербовщиков не отпускал. Должность была пожизненна. Ну и что ей сейчас думать про Татьяну, когда Белковский уже 'на позиции'. Мешкать нельзя, Лида задерживает дыхание и вот она уже ...

КОРИДОРЫ

Фрик

Стас любит свою дачу, хорошо, что он ее в свое время купил. У него есть квартира на Арбате в тихом переулке, в подъезде всегда сидит консьержка, чистая интеллигентная небедная публика, выгуливают во дворе собак, но собаку Стас завести не пожелал, слишком все-таки много хлопот. Приглашает к себе в дом гостей он редко, на дачу к нему приезжают только совсем уж близкие друзья и родственники. Свою личную жизнь Стас оберегает очень ревностно. На людях он несколько напряжен, а дома позволяет себе быть таким какой он есть: физически слабым, подверженным болезням и перепадам настроения, капризным молодым человеком. Стас может сколько угодно играть своим возрастом, говорить о себе как о пожилом человеке, пожившим, поднаторевшим, но ему всего 45 лет. Впрочем молодым человеком он совершенно не выглядит, и поэтому свой физический облик Стас не любит, ему бы хотелось быть другим, более, что-ли 'нордическим'. На самом деле видно, что он типичный еврей, рыхлый, лысеющий с большими навывкате глазами за сильными круглыми линзами, придающими ему вид 'очкарика-интеллигента' из анекдота, но тут сделать ничего

нельзя, и Стасу это не слишком нравится.

Он любит женщин, интригу любовных отношений, но, к сожалению в нем не так уж много, так ценимой дамами, ма-чизмы: сила, ловкость, грубоватость, органичная агрессивность. Мужчина – гонщик, боксер, бандит в конце концов ... вот, что бабы любят, даже умные. Ну нет в нем этого! Он, например, не любит водить машину. Умеет, вынужден был научиться, но вождение его слишком напрягает, за рулем Стасу так некомфортно, что он давным-давно нанял водителя. Когда-то, только получив права, он пару раз попадал в мелкие аварии, и машину с тех пор водить боится. Впрочем никто о его подспудном страхе не знает. Шофер пробирается по запруженным улицам, нервничает, а он, Стас, сидит себе на заднем сидении и предается своим мыслям, разговаривает по-телефону, прочитывает тексты на компьютере. Себя он при этом уговаривает, что так он не теряет по пробкам времени, но причина не только в этом: просто он слишком любит комфорт, а вождение машины – это стресс и фобия, от которых он себя ограждает. Слава богу он может себе это позволить.

Стас приехал на дачу, чтобы заняться собой, не просто погулять вечером по Арбатским переулкам, а покататься на лыжах. Он опять набрал вес, потерянный прошлым летом с таким трудом. Надо больше двигаться и меньше есть, т.е. делать как раз то, что он не любит. Стас верит в знаки зодиака, так же как в зороастрийский календарь. Так вот: он – водо-

лей, а водолеи самый интеллектуальный знак, они думают и ненавидят физическую активность. Так-то оно так, но двигаться все же необходимо. Он приехал на дачу накануне вечером, поздно проснулся, валялся в постели, плотно позавтракал. Экономка у него очень эффективная женщина, все делает быстро, редко попадает на глаза и главное, никогда не лезет с разговорами. Коля-шофер отвез ее на дачу вчера утром, благо недалеко. Она приготовила еду, убрала, протопила дом. Стас облачается в дорогой лыжный костюм, долго зашнуровывает ботинки, нагибаться ему трудно, он кряхтит и вздыхает. Лыжи у него современные, мазать их не нужно. Стас выходит на улицу, прилаживает лыжи к ботинкам и, тяжело опираясь на палки, уходит на лыжню, которая начинается сразу за калиткой. 'Хорошо все-таки здесь! – говорит он себе. Совсем я разленился, надо почаще выбираться загород' – Стас спокойно катится дальше. Он весь отдается мерному движению, слушает скрип креплений, снег похрустывает, заснеженный лес действует на него успокаивающе. Стас уважает себя за то, что открыл наконец лыжный сезон и обещает себе выходить на лыжах регулярно. Лыжи ему на пользу.

Лида видит издали фигуру Красновского, он пока не слышит, что кто-то скользит сзади по той же лыжне. Интересно, присутствие другого лыжника его сейчас напугает, или обрадует. В лесу никого нет, мало ли, что можно ожидать

от незнакомца, с другой стороны можно наконец-то узнать дорогу к Кратово. Сейчас он услышит скрип лыж и обернется ... увидит, что это женщина и сразу успокоится. Хорошо. Пора его окликнуть:

– Станислав Александрович ...

Вот это его сразу удивит: кто-то знает его имя, неужели можно его на таком расстоянии узнать да еще на лыжах. Наверное девушка была в курсе, что он тут часто катается. И однако странно ... не так уж и часто, в этом году в первый раз ... Стас останавливается и оборачивается.

– Вы меня? Мы знакомы?

– Станислав Александрович. Подождите меня. Нет, мы не знакомы.

Стас с удовольствием останавливается и ждет Лидинового приближения с улыбкой. Он любит женщин, любит, что его узнают, с нетерпением ждет развития ситуации. Тревога полностью отпускает клиента. Сейчас важно его не разочаровать:

– Как вы быстро едите, за вами не угнаться.

– Ну, раз мы не знакомы, а вы хотели меня догнать, то скажите зачем.

Стасу не приходит в голову поинтересоваться, откуда девушка его знает. Как его можно не знать? Он же медийная фигура. Его все знают. Интересно, зачем он этой девке понадобился? Журналистка что ли?

– Нет, Станислав Александрович, я не журналистка.

– А с чего вы решили, что я так подумал?

Стасу разумеется невдомек, что Лида точно знает, что он подумал ... Он сейчас интересничает, пытается понять ситуацию и взять ее в свои руки. А там ... чем черт не шутит ... девушка симпатичная и явно его знает, хотя и утверждает, что не знает ... Он всегда так ведет себя с женщинами.

– Я хочу с вами поговорить.

– Простите, как вас зовут?

– Лида.

– А по отчеству?

– Не надо отчества. У меня к вам предложение.

– Да? Об интервью или моих участиях в передачах вы должны были со мной заранее договориться, что же вы мне не позвонили? Не могли мой телефон узнать? Сочувствую. Как вы видите сами, Лида, здесь не лучшее место для разговора. Запишите мой телефон и позвоните ...

– Нет, Станислав Александрович, я не буду вам звонить,

и мы поговорим здесь и сейчас.

Веско и бесповоротно. На его лице на секунду мелькает растерянность. Так с ним не разговаривают. Стас обескуражен и не знает, как поступить, чтобы отказать, но не быть грубым. Впрочем ему и самому интересно, что там у нее за дело. Она должна этим воспользоваться. Если антагонизировать клиента с самого начала, ничего не получится.

– Вы уверены, что я стану с вами разговаривать?

– Уверена. Поедьте ко мне на дачу, здесь недалеко. Там и поговорим.

– Понимаете, мне надо вернуться домой, на сегодня у меня еще много планов, я тут немного заблудился. Давайте все-таки встретимся в следующий раз, а сейчас ... вы мне не подскажите, по какой мне тропинке к Кратово идти?

– Тут нет Кратово, тут только моя дача. А спешить вам здесь некуда, потому что я знаю ваши на сегодня планы ... отдых, обед ... потом вы должны к шести часам быть в Москве на презентации Антона Долина в рамках проекта 'Трюффо-Хичкок', лекции по итогам Каннского фестиваля, прошедшего прошлым летом. Вас сам Антон всегда приглашает, вы отказывались, но сегодня обещали прийти, уже неудобно ему отказывать, тем более, что там будут многие ваши знакомые, хорошая компания, выпивка и еда ... Потом, если вы не будете чувствовать себя слишком усталым,

то с двумя знакомыми отправитесь на постановку Бонавентура 'Человек', это ночной спектакль. Вы же часто ходите на 'Ночные бдения' в московские театры? Так? К тому же вам же вчера звонил Сергей Юшкевич, приглашал ... вы и режиссера знаете Люсю Рошкован. Хотите скажу, с кем вы туда пойдете?

– Откуда вы все это знаете? Я и сам пока не знаю, пойду я ночью в театр или нет.

– Вот об этом мы с вами, Станислав Александрович, и поговорим.

– Ладно, только я боюсь опоздать ...

– Никуда вы не опоздаете, это мы тоже обсудим.

Лида встала на лыжню первой и легко заскользила переменным шагом, Стас еле за ней поспевал. Она не переставала удивляться, как в капсуле она с легкостью делала то, что ей обычно давалось плохо. Она и на лыжах-то не умела и не любила кататься. Капсула делала ее другой, сильнее, выносливее, умнее, а главное моложе. Дом, куда они вошли, очень отличался от убранства старой дачи, где жил Стас. Небольшой, но современный: широкие окна, камин, чугунная лестница наверх, удобные диваны в гостиной, а на кухне много стеклянной утвари. Именно так, как нравится Стасу. 'Он у нас отнюдь не аскет' – внутренне улыбнулась Лида. Она усадила Стаса на высокий табурет и стала кормить обедом. Налила рюмку хереса, от водки он, как она знала, отказался бы.

Стас с аппетитом ел, полностью поглощенный процессом и еще ничему особо не удивляясь. Ел он аккуратно, без жадности, с видом знатока оценивая каждое блюдо. Когда Лида налила ему кофе, он спросил с кофеином ли он? Узнав, что нет, взял свою чашку и пересел на диван. Теперь он был готов:

– Станислав Александрович, я, с вашего разрешения, продолжу. Стас был весь внимание ... пора! Так вот, давайте я вам объясню, почему вы никуда не опоздаете ... это потому, что ваш сегодняшний план будет реализовывать другой Красновский, не вы ...

– Не я? Красновский саркастически улыбался, показывая Лиде, что у него безусловно есть чувство юмора.

– Да, я не шучу. Вы с утра покатались на лыжах, вернулись домой и сейчас, отобедав, лежите на диване с книжкой в руках. Минут сорок вы подремлете, поговорите по телефону и шофер отвезет вас в Москву. Но сейчас вы не лежите на диване, вы не дома, вы ... в капсуле. Считайте, что у вас появился временный двойник. Повторяю: вы в капсуле.

– Где? Давайте мы с самого начала договоримся, что вы не станете говорить со мной загадками. Если это понятно, то я вас слушаю.

– Вы слышали о черных дырах, о параллельных мирах. Представьте себе, что они существуют, и вы сейчас в таком мире.

– Да, я конечно об этом слышал и даже в общем-то не сомневаюсь, что параллельные миры существуют. Я сомневаюсь, что человечество имеет туда выходы. Мне трудно в это поверить, трудно, если не невозможно. Как это достигается? Вы можете мне это объяснить?

– Нет, не могу. Просто поверьте. Мы сейчас с вами в 'капсуле', а 'капсула' – это как раз выход, о котором вы сказали. Честно говоря, 'капсула' – это даже не совсем параллельный мир, это, скорее 'шлюз', через который можно выйти в другую реальность. Вы это принимаете?

– Ну ... даже не знаю. Вы хотите сказать, что этот дом, мебель, еда в конце концов – это что-то вымышленное, ненастоящее ...

– Смотря на каком уровне. Да, я эту зимнюю дачу создала, чтобы с вами в ней встретиться. Я о вас все знаю, понимаю, что вы из себя представляете, и мне казалось, что в этом доме, плоде моей фантазии, вам будет комфортно. С другой стороны, все что вы видите – это не виртуальная реальность, это все материально, я могу материальный мир вокруг нас изменить, как захочу. Не спрашивайте, как я это осуществляю ... я и сама не знаю.

– А еда?

– Что еда? Кто ее купил и приготовил? Никто. Я просто представила себе, что бы вам хотелось съесть и стало так, как я хотела ...

– А вы кто? Вы живете тут, в как вы говорите, 'капсуле'?

– Нет, я тут не живу, я сотрудница ... после работы я вернусь в нашу с вами реальность. Вход в альтернативную действительность мне возбранен, а почему так, я не могу объяснить, но это неважно.

– А мы можем выйти из 'капсулы'? Вот, скажем, если мы выйдем из дома, мы опять попадем в заснеженный лес?

– Не обязательно. Не хотите в лес, можно выйти в другое место ... дело же не в этом. Станислав Александрович, вы – интеллеktуал и вряд ли захотите, чтобы я вам фокусы со временем и пространством показывала. Я могу, только зачем вам мои фокусы? Давайте сразу к делу.

– Пойдите, вы мне, Лида, сразу скажите, я смогу вернуться ... ну, вы понимаете ...

– Господи, да вам и не надо будет возвращаться. Вы и так там ... у себя. Вы перестанете быть в капсуле в тот момент как мы закончим и я сделаю так, что в вашей памяти останется просто ничем не примечательная лыжная прогулка перед обедом. Хотя, ладно, я понимаю, что вы имеете в виду: да, без проблем вернетесь ...

– Вы не ответили на мой вопрос: вы кто? Вас действительно зовут Лида? В чем ваша функция? Кто вам поручил быть сотрудницей? Кто за всем этим стоит?

– Станислав Александрович, вы даже пока не знаете, 'зачем стоит', а уже задаете хорошие вопросы. Я вам особо ничем не помогу. Я – сотрудница капсулы, моя должность 'вербовщица', за мной стоит 'синклит'. Для вас это, по-сути ни-

чего не объясняет. Синклит – не люди, но их представитель, мой куратор, или 'хозяин' принимает для удобства общения человеческое обличие и называет себя Андреем.

– Я могу с ним повидаться? Я не привык разговаривать с простыми сотрудиниками.

– Нет, у вас контакт только со мной. Сожалею, если вы разочарованы.

– Да, ладно, не обижайтесь, Лидочка. Расскажите о себе, вы, получается меня знаете, а я вас – нет.

– Да нет во мне ничего интересного. Я – преподаватель французской литературы в пединституте. Замужем, имею двоих детей. Это все. Не обо мне речь. Я от имени синклита хочу сделать вам предложение.

– Погодите, давайте остановимся на синклите. Это связано с идеей бога?

То, что вы называете синклитом, – это бог? Я так и знал ...

– Я знаю, вы считаете себя верующим человеком, но другому, менее думающему и образованному человеку, я бы ответила, что в религии есть концепция ада и рая ... но зачем примитивизировать концепцию ... вам ли не знать, что в науке есть теория струн, теория вечной инфляционной мультивселенной. Это даже не строгая наука, ничего не опровергнуто экспериментом, зато есть гипотеза математической вселенной. Простите, я – простая вербовщица, я не смогу писать вам формулы. Учение не о мире, а о мирах есть и в иудаизме и в исламе. Итак, вы готовы меня выслушать?

Стас замолчал, положил свои очки на столик и теперь внимательно смотрел на нее близорукими глазами. Лида знала, что с Красновским будет с одной стороны легко, он не станет беситься, поднимать ее на смех, считая, что она ему нагло врет со своей 'капсулой', но с другой стороны он слишком умен, чтобы игнорировать детали, будет мучить ее вопросами, на которые у нее нет ответа. Ох, уж эти вопросы, которые только и приходили в голову таких как Красновский. Пока, однако, все шло не так уж и плохо. Каким будет итог разговора, она не знала, по-этому поводу у нее даже не было никаких предчувствий. Черт его знает, согласится или нет? Хорошо, 'капсула' ... прошла, пусть с оговорками, но он все принял ... перейдем ко второму этапу: суть дела!

– Станислав Александрович, вам предлагается жить в альтернативной действительности параллельной жизнью. Параллельной – не значит той же. Как раз дело в том, что это будет другая, хотя может и в чем-то схожая с вашей жизнь.

– Ага, а за счет чего она будет другой? Понимаете, раз вы говорите, что вам обо мне все известно, то вы знаете, я – системщик. Я же прекрасно знаю, что такое вариантность. Могу вам формулу даже написать: система функционирует, и каждому ее компоненту можно задавать параметры. Нужны степени свободы, если их число равно нулю, что система инвариантна. Как, вернее чем, вы нарушите равновесие си-

стемы, то-есть моей жизни.

Ничего себе, как он ее! Математик ... сразу все понял и задал главный вопрос, причем не эмпирически, а вот так ... просто посмотрел в корень, чисто научно. Приятно с такими клиентами иметь дело, хотя сама она до них не дотягивает.

– Да, вы правы. Мы нарушим равновесие, а вот как ... я не могу вам этого заранее сказать. Это не я решаю.

– А я ни на что не могу согласиться пока не узнаю, о каком изменении пойдет речь. И вообще, я не уверен, что хочу хоть что-нибудь менять. Я доволен своей жизнью. Не могу похвастаться, что полностью, но скорее да, чем нет.

– Конечно, Станислав Александрович, вы образованный, творческий человек, но ...

– В чем же 'но'?

– Не все думают о вас хорошо.

– Ой, тоже мне ... удивили! Что с того? Про любого медийного человека публика думает по-разному, это нормально. Назовите мне хотя бы одну причину, по которой мне следует менять мою отлаженную систему? Хотя бы одну.

– Я изучила вас, Станислав Александрович, и у меня содалось впечатление, что ваше поведение на публике чистый эпатаж. Вам доставляет удовольствие злить людей разными скандальными высказываниями, ваше форте – черный пиар. И еще хочу задать вам вопрос, боюсь, что он может вам не

понравиться: в чем вы профессионал?

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что вы закончили московский институт управления по специальности экономическая кибернетика, то-есть вы системный программист.

– Да, я и работал системщиком в большой государственной структуре.

– Проработали два года и ушли ...

– Ушел, потому что разочаровался в этой специальности. Американцы достигли в 10 раз больше, я счел свою жизнь слишком короткой, чтобы за ними гнаться.

– Нет, вы меня не убедили. Учились, увлекались, новое направление науки ... и раз ... все бросили, занялись политикой. Ощущение, что политика для вас – это поле борьбы за известность. Ваши политические взгляды не очень-то ясны, вы их меняли в зависимости от своих покровителей ... Это не очень красиво звучит.

Работали с Боровым, Березовским, Вайнбергом, Хакамадой. Вы становились им необходимы, а потом уходили и начинали работать против ваших вчерашних друзей. Было такое?

– Нет, такого не было.

– Ну, написали вы доклад 'В России готовится олигархический переворот' против Ходарковского, и ваш доклад возможно инсценировал 'Дело Юкоса'. Вы были тогда знакомы с Ходарковским?

– Нет, я уже с ним после его отсидки познакомился.

– Что это вы на него напали?

– Не люблю олигархов.

– А Березовского любили?

– Березовский доктор математики, мне с ним было интересно.

– А с писателем Прохановым вам тоже интересно?

– Да, он прекрасно владеет словом, с этой точки зрения он мне интересен. Я вообще не понимаю, к чему этот разговор? Куда вы клоните?

– А туда, что ваши политические взгляды аморфны и противоречивы: то вы демократ и либерал, противник Путина, выступаете с разоблачениями на оппозиционных каналах, то вы печтаетесь в национал-патриотической газете 'Завтра', считаете себя монархистом. Такое впечатление, что вам по-сути все равно, где мелькать, лишь бы мелькать ...

– Да, я люблю, как вы сказали, 'мелькать'. Что в этом плохого?

– Станислав Александрович, мы в капсуле, здесь говорят правду, а она в том, что все свои начинания, разные 'советы, институты, движения' вы используете только для саморекламы, по большому счету вам наплевать и на страну и на людей и на дело, которому вы временно служите. Разве не так? Скажите как есть, не стесняйтесь, вы же понимаете, что мы тут одни и о нашей беседе никто и никогда не узнает. Вас представляют политологом ... да кто такой политоло-

лог? Используя ваш прекрасно подвешенный язык, вы можете стилизоваться под кого угодно, сказать то, что вашей данной аудитории будет приятно и интересно услышать. А ваше собственное мнение? Может статься вы перестали его отличать от мнения ваших персонажей, масок, которые вы носите? То вы за Путина говорите, то возглавляете движение Народ. Какой-такой 'народ'? Где бы видели 'народ'? Пресловутый 'народ' вовсе вас своим не считает.

– Лидия, а вам говорили, что вы – красивая женщина? Ладно, это сейчас к делу не относится. Что значит я не знаю народ? Я езжу по стране.

– Да, ездите, с лекциями. Ваши лекции посвящены снова политологии, которую вам очень хочется связать с литературой. Вы же обожаете русскую классическую литературу, мало кто знает поэзию так, как вы. О чем бы вы не говорили, вы читаете множество стихов, вам это нравится и аудитории тоже. Может вам следовало бы стать литературным критиком? Лекция ваши часто отменяют, но это вам только на руку: вас начинают считать опасным оппозиционером, а это снова пиар, в котором вы буквально купаетесь. Суетно вы, Станислав Александрович, живете, но жизнь может быть и такой ... почему бы и нет. Просто может вы способны на гораздо большее, чем заниматься блестящей болтологией, вызывающей аплодисменты одних и ярость других. Простите, если обидела.

– А что же вы ничего не говорите, что я книги публикую?

– Да, конечно, я прочитала все ваши книги.

– И?

– Ну, что сказать? Так себе ... снова текущая политика, стеб, приколы, сатира, черный юмор, алогичные вольные допущения в действиях политических деятелей: то Брежнев чуть не 'подружил' православие и католичество, то Путин – царь ... названия всех ваших романов броские, какие-то бульварные, а главное язык ваших текстов не отличается от ваших шутивно-саркастических выступлений по телевизору, театральных, напыщенных, игривых. Ваш обычный интеллектуальный эпатаж, всегда провокационный, агрессивный, на грани скандала и культурного шока. Вы приглашаете читателя в свой лагерь, хотите сделать его своим сообщником, как бы подмигиваете ему, даете понять, что читатель способен понять ваш сарказм. Получается псевдокоммуникация, но вам это неважно, единственное что вам нужно – это самоутверждение к которому должны везти ваши нескончаемые монологи, замаскированные под 'невинную' манеру подшучивать, демонстрируя собственное превосходство.

– Я считаю себя литератором. Сейчас мне интересно писать. Может я и графоман, вы же, Лидочка, на это намекаете?

– Что об этом говорить ... все графоманы, все дело только в мере таланта. Пишите на здоровье, вас же публикуют. Тут ваша известность работает на вас.

У меня еще к вам вопрос: почему вы окутываете свой имидж тайной, зачем все эти мистификации? Туман даже

по-поводу того, где вы родились. Есть три варианта: поселок Дружба на западной Украине, под Тернополем, Рига и Москва. Зачем вам это? Вы родились в Москве, закончили немецкую спецшколу ... а вот Дружба и Рига, к чему такое выдумывать?

– А зачем людям про меня знать?

– А затем, что вы считаете себя публичной фигурой. Вы все время упоминаете о своих детях, даже внуках ... да, нет у вас детей и внуков, есть даже вопрос были ли бы женаты?

– Я разведен.

– Да, я знаю, кто считается вашей женой. Киевский политолог, ярая украинская националистка. А может это был фиктивный брак? А? А может вы и сейчас живете на два дома, а иметь женой 'бандеровку-фашистку' вам не к чему. Тут для публики очень запутанный вопрос, и путаница вам самому нравится. Сто раз вы говорили, что ваш отец поляк, а мама ... тут пришлось признаваться ... мама – еврейка. Вы не устаете подчеркивать свое христианство, впрочем вы ни разу не сказали, что православный, может вы католик ... В общем ... опять туман: верующий, мол, человек, а конфессия не так уж важна.

Лида заметила, что Стас почти не поддерживает разговора. Молчит, смотрит на нее внимательно, с каким-то обескураженным видом. Удалось ли ей зацепить болезненные для него струны. Почему он ей не возражает? Удивительно. Надо

его дожать ... пусть думает. Он уверен в себе, но это только на публике, любит светские тусовки, но глубоко внутри в нем живет балованный еврейский мальчик, боящийся быть побитым. У этого хамоватого Стаса детская душа, склонная к странному авантюризму, который с ним не ассоциируется.

– Стас, вы помните, как на презентации последней книги вашего друга Проханова про политтехнолога, образ, прототипом которого вы являлись ... была сыграна последняя сцена: вас выносят и бросают на кучу мусора и вы в ней погибаете. Смерть на свалке, как бы символично ... Помните? Стас, а, ведь, вы – фрикер. А? Согласны?

– Да, Лида, я может не очень внимательно вас слушал, но тем не менее думал ... и опять рассуждал как системщик. Я был не прав, когда сказал, что моя жизнь прекрасна. Это может показаться правильным, но ... если человеческая жизнь система ... то в ней всегда гнездится ошибка. Надо искать ошибку, даже, если кажется, что ее нет! Это знает каждый тестер. Вы – тестер моей жизненной программы, вы пытаетесь найти ошибку, и ... правильно, так и надо. Просто, в чем ошибка? В чем? Что вы будете исправлять? Для меня это важно. Я должен понять ... Иначе, поймите, трудно решиться ...

– Станислав Александрович, вам сейчас и не надо ни на что решаться. Мы поможем вам посмотреть на себя со стороны. Ни один человек себя со стороны не видит, но есть

же взгляд 'других', вот вы и станете таким другим, не самим собой. Вы получите возможность сходить в 'кино', где вам покажут кое-что про вас.

– Я сотни раз видел себя на экране.

– О, это другое дело: не 'я себя', а 'они меня'. Увидите и мы встретимся еще раз.

– Я могу от этой возможности отказаться? Я наверное и так приму ваше предложение, хотя у меня будут еще вопросы ...

– Нет, 'кино' обязательно для всех. Мы сейчас с вами прощаемся, отдыхайте, вы устали. Встретимся завтра.

– А где я буду тут спать?

– Нигде, вам будет показан особый 'фильм', вы будете им заморожены до такой степени, что антураж кинозала даже не заметите. Вам не нужно ничего делать, не волнуйтесь.

Лида была уже готова остаться одна, но Стал так сник и выглядел таким обескураженным, что она решила еще немного побыть с ним. Лида видела, что у него к ней много вопросов, но он пока не может их сформулировать, растерялся, что вообще-то для него нехарактерно. Собственная растерянность его самого огорчает, а еще он сильно боится. Почти решился, но именно 'почти'. Эпитет 'фрик', употребленный Лидой ему в одно и тоже время льстит и кажется неприятным. Неужели люди его так воспринимают? И еще, Лида это прекрасно видит, Стас чувствует себя одиноким.

Он знает сотни людей, но кто ему действительно близок, кто его любит, кому он небезразличен? Он уже и сам не знает, сбит с толку. Что они ему предложили? Жить где-то там ... жить по-другому? Как это? Стас встает с дивана и наливает себе еще хересу. Он один и может начинать думать. Ладно, пусть он побудет у нее в доме, не стоит его 'отключать'. Она сама уйдет.

Лида шла по широкой аллее, засаженной цветущими фруктовыми деревьями, белые лепестки усыпали влажный, местами разбитый асфальт. Когда она еще только стала вербовщицей, ей нравилось иметь контроль над капсулой. Она играла с очертаниями рельефа, временем суток, погодой и пейзажем. Ей было приятно ходить по лесу и лугам, взбираться на холмы или идти вдоль живописной речки. Она выходила из своего меняющего дома ранним утром, а потом возвращалась туда звездной ночью, и луна заливала привычную дорожку. Какое это было удовольствие подставлять свое тело мягким солнечным лучам, шелковистая свежая трава ласкала ее ноги, а потом вдруг оказаться в теплой одежде в том же самом месте, но вместо травы видеть снег, который хрустел под ее шагами. Сейчас метаморфозы перестали ее поражать, она редко меняла что-либо. Капсула подчинялась ей, и Лида к этому привыкла.

Она когда-то спрашивала Андрея, что происходит с капсулой, когда ее там нет. 'Ничего не происходит, – отвечал

хозяин, там просто работают другие люди. 'Я в капсуле всегда одна, ну не считая конечно клиента ... я там правда одна, или рядом вербовщики, которых я не вижу?' – недоумевала Лида. 'Нет, Лида, вы не одна, однако вербовщиков всегда ограниченное количество' – объяснял ей Андрей. Иногда Лиде хотелось увидеть коллег, но это было невозможно, она должна была быть одна. Конечно она могла перед следующим клиентом никуда не ходить, а сразу оказаться в его коридоре, который для этого человека из списка служил переходом. Она так почти никогда не делала, потому что это было неинтересно. Лида любила ощущать капсулу в объеме, придавать ей протяженность. Одинокие прогулки успокаивали ее. Своей волей и воображением в зависимости от настроения, она сама создавала антураж. На прогулке Лида отдыхала от предыдущего интервью и настраивалась на следующее. Она шла в другое место, чтобы сменить обстановку, переключиться на другого человека, стереть из своей памяти чужую судьбу.

Все ли правильно она делала с Красновским? Не совсем. Сейчас, анализируя беседу, Лида ругала себя за то, что она как бы критиковала его жизнь. Не стоило этого делать. Она здесь не для того, чтобы судить клиента, хотя ... тут все непросто: большинство клиентов соглашались жить в альтернативной реальности только, если они не были своей жизнью удовлетворены, им следовало обещать по возможности лучшую жизнь, то-есть посулов просто 'другой' жизни мог-

ло быть недостаточно. Человек хочет гарантий, что он будет счастливее. Вот поэтому так и вышло с Красновским: вам, мол, будет лучше, так как ваша жизнь не бог весть что ... что-то с вами было не так, а сейчас мы кое-что подправим и все пойдет по-другому ... лучше. Это 'лучше' никто не мог им гарантировать, и поэтому каждый раз, когда клиент соглашался выйти из портала на 'другую сторону' Лида удивлялась: смелые люди с явным авантюрным духом. Хотя ... она же согласилась. Впрочем, у нее другой случай: она сотрудница капсулы, ей не предлагали другой реальности. А если бы предложили? Согласилась бы? Лида не знала. Зачем она сейчас сосредотачивается на себе? Следующее интервью начинается ровно через 20 минут местного условного времени.

Толстяк

Лида вошла в свой дом, откинулась на кресле и перед ней немедленно включилась стена, превратившаяся в яркий экран. Вот он следующий ... 12:30, Михаил Ясулович. На экране полный какой-то безвозрастный мужчина, ему можно дать и 50 и 60 и даже 70 ... Есть такие законсервированные временем лица. Мягкое интеллигентное лицо, густая шевелюра, усы и бородка, большие добрые, смеющиеся глаза. Лицо уездного доктора. Что мы тут имеем ... по известности сравним с Красновским, только это известность совершенно другого рода. Красновский известен больше, он везде мелькает, участвует в любой передаче, на какую позовут. О нем пишут в интернете, больше мерзостей, чем хорошо. Мерзости его тоже, скорее всего, возбуждают, злить 'быдло' Красновскому приятно. Он умный, но ум его какой-то суетный, поверхностный, 'кипешной'. Лида улыбнулась этому жаргонному эпитету. Живя в современной Москве она из воздуха впитывала в свой лексикон блатную феню. Красновский в полном кайфе, что он 'медийная' фигура. Можно ли назвать медийной фигурой Ясуловича? И да и нет. Он очень известен, на международном уровне, но знают его специалисты: культурологи, философы, компаративисты, историки. Широкой публике имя 'Михаил Ясулович' ничего не говорит. И тут главное, что ему на это совершенно напле-

вать.

По экрану перед Лидой заскользили картинки: маленький толстый Миша с мамой и папой, Мишенька на даче катается на трехколесном велосипеде, рядом дедушка в шезлонге, бабушка готовит на террасе обед. Миша в третьем классе французской спецшколы ... перемена ... Миша ест большой бутерброд с копченой колбасой, пробегающие мимо ребята кричат ему 'жирный', Миша смотрит на них улыбаясь, обывалка оставляет его равнодушным. Он толще и выше других ребят. Увалень, но подвижный и легкий. Вес не очень ему мешает. А вот дальше ... институт, экзамены, Миша отвечает, комиссия его слушает, создается ощущение, что профессора общаются не со студентом, а с коллегой. В ответах Михаила чувствуется внятность, приправленная изрядной долей небрежности. Он не старается никому понравиться, он просто излагает то, что прекрасно знает. Материал для него слишком простой, чтобы вызывать интерес.

Михаил на уроке в школе, он учитель, Михаил Бенцианович. У молодого учителя нет никаких проблем с дисциплиной. Он держит класс непринужденно и цепко. Врожденная харизма, глубокий ум, нетривиальные мысли, которыми он щедро делится с классом. Ребята его любят, а он их нет. Не то, чтобы не любит, но считает чем-то в своей жизни неважным и временным.

Лида начинает перелистывать кадры быстрее. Еще минут

пять и Ясулович становится понятным. Ощущение не придает Лиде оптимизма: ей с ним будет невероятно трудно. Он умнее, образованнее, опытнее ее самой, и Лида боится, что это сразу станет очевидным. Кто она и кто он? Он – Ясулович с мировым реноме, а она – серая мышка, рядовая преподавательница, которая до капсулы никогда, к своему стыду, про Ясуловича не слышала. А вот про Красновского, идиотка, очень даже слышала. Ну, как все тупицы ... не надо удивляться. Она преподает на слишком примитивном уровне, чтобы привлекать работы Ясуловича. Она читала его книги, статьи, слушала интервью. Он блестящ, какой легкий, независимый, глубокий ум! Ладно ... посмотрим. У нее есть не более 10 минут. Михаил уже в капсуле. Вздохнув, Лида выходит из дома и немедленно попадает ...

Миша задержался на работе и теперь досадовал на себя за это. Ну, что он за человек! Сидел, раскрыв файл со своей статьей, писал, стирал, переделывал, хотел закончить, но дело не шло, хотя основные идеи давно уже выстроились в его голове, но сейчас, когда он пытался оформить их в текст для *International Journal of Cultural Studies*, все почему-то расплывалось в зыбкий и нечеткий отчет об этнических фильмах на Каннском фестивале. Миша понимал, что это происходило от внутреннего беспокойства: сегодня вечером он решил сходить наконец-то на плазу и купить Дине подарок ко дню рождения. Конечно плаза была открыта до вечера,

но все равно поход по магазинам казался неприятным, обременительным делом, которого было не избежать, сколько бы не откладывать. Сегодня он точно пойдет, вот только решил сначала покончить со статьей. А теперь и статья не клеится, и подарка он не купил. Все хватит тут сидеть. Миша вышел на улицу, где его машина была припаркована между 9-ой улицей и 5-ой авеню, на университетском паркинге. За стоянку он ничего не платил. Надо ехать на Коламбус Серкл... там он точно что-нибудь купит. Миша вздохнул и аккуратно выехал на Купер стрит ... Зря он на работу на машине поехал. Сейчас будет добираться до магазинов минут сорок, а на метро было бы гораздо быстрее. Миша вышел из своей неновой Тойоты и зашел в помещение молла. Как же все-таки он любил Нью-Йорк, пожалуй даже больше Москвы. Прекрасный город-космополит, огромный, заполненный кишашей толпой, где каждый чувствует себя частью целого. Плаза Мишу совершенно не раздражала: снаружи украшенные маленькими лампочками деревья, сияющие огни, нарядные лифты, яркие витрины дорогих бутиков. Люди с пакетами в руках озабоченно снуют по этажам. В таких местах Мише никогда не было скучно. Он готов был сидеть на лавочке и просто смотреть на толпу. Он вообще любил толпу. Квартира его выходила окнами на пятую авеню, по которой каждый год шли гейпарады. Миша стоял на тротуаре и замороженно смотрел на крикливо разодетых участников. Шум, музыка, сопричастность событию, радость бытия, неподдельное ве-

селье. Он всегда понимал людей, которым было легко чувствовать себя детьми. Он тоже так умел.

Войдя в огромное здание молла, Миша вдруг почувствовал, что очень голоден. 'Сейчас пойду что-нибудь перекушу, а то умру ... , а уж потом просто зайду в магазин Сваровский и куплю Динке какую-нибудь цацку' – Миша решительным шагом, помахивая толстым портфелем спустился по эскалатору в 'фудкорт' Целый подземный город, царство недорогих ресторанов, где у Миши немедленно разбежались глаза: что же взять-то... азиаты ... разные американские фастфуды ... французская пекарня *bon pain* ... нет, нет, мучное ему ни к чему. Миша уселся за маленький столик *Casa Toscana*. Как тут здорово, почти Италия, где он так давно не был. Он сидел перед большим куском Пиццы Бианки с моцареллой, прошутто, копченой семгой, салатом аругула и маленькими помидорчиками. А потом он где-то еще выпьет кофе и съест пирожное. А что такого? Он говорил Дине, чтобы они его не ждали с ужином. Эх, жалко, что тут вино не продают, он бы сейчас немного выпил. Миша принялся резать свой большущий кусок пиццы пластмассовым ножом. Другие кусали от огромного прогибающегося в руке куска, но он так не любил. В Европе так есть было не принято, а Миша считал себя европейцем. Как тут все, черт возьми, вкусно.

Пицца еще была не доедена, но Миша уже открыл свой лаптоп. Нужно имейлы проверить, это займет несколько секунд, а потом он поднимется на 4-ый этаж и купит у Сва-

ровского цацку. Динке понравится. Плаза до девяти, времени вагон. Миша сидел за круглым столиком, погрузившись в свои имейлы. Имейлов было не так чтобы очень много, но все интересные, такие, на которые хотелось сразу отвечать. Он быстро печатал и улыбался, погрузившись в свои дела, забыв, что ему еще надо идти за подарком, что он не у себя в кабинете на кафедре и не дома в гостиной в кресле. Люминесцентные лампочки, спрятанные где-то высоко на потолке чуть мигнули и свет в зале стал приглушенным, но Миша ничего этого не заметил. Он пальцем нажал на 'отправить' и поднял голову. Вокруг него никого не было, ни единого человека. Прилавки с едой были пусты, кое-где были спущены железные шторы. 'Что это такое? Ушли что ли все? Сколько же я здесь просидел? Какая-то ненормальность, как они могли закрыть и меня не выгнать ... так не бывает' – Миша начинал на себя злиться. Такое только с ним могло произойти: засиделся, увлекся, не заметил, что вокруг него произошло. Кошмар какой-то! Плаза явно закрыта, подарок он не купил, да еще плату за стоянку просрочил, теперь жди штрафа ... Миша с досадой захлопнул компьютер, взял свой портфель и вышел в коридор. Там было темновато, все рестораны закрыты и новый, совсем недавно обустроенный фудкорт 'Turnstyle', выглядел, как декорация к фильму ужасов. Не было видно ни уборщиков, ни охранников, ни запоздавших продавцов, ни спешащих к выходу посетителей. Миша пошел по указателю 'лифты', собираясь подняться, чтобы за-

канчивать этот, как оказалось, дурацкий день, дома с женой и дочкой. Ни одна кнопка не мерцала, лифты явно не работали, но Миша все равно нажал на все ... Ну, ладно, лифты отключили, но должна же тут быть лестница. Он пошел налево в поисках выхода наверх, но никаких работающих надписей 'exit' не обнаружил, направо их тоже не было. Стало неприятно, как же отсюда выбраться ... какой же он придурак. Рассказать кому – не поверят: в центре Манхэттена, на людной плазе ... потерялся.

Миша вдруг почувствовал, что устал, маленькая их квартира казалась ему островом спасения. Там его ждала жена, они будут пить чай. Дина уже скорее всего беспокоится. Надо ей позвонить, рассказать о своем приключении. Телефон не работал, даже время не показывал. Сколько же сейчас времени? Ночь что ли? Все-таки это дикость. Что-то тут не так, но что? Как тихо-то, ни один звук не доносится. Как это может быть? Наверху тысячи машин, а внизу вечно слышно подземку, глухой такой звук. Ну и что ему теперь делать? Миша вернулся за свой столик и в изнеможении уселся на стул, который теперь казался ему шатким и неудобным. Внезапно ему в голову пришла идея: сзади ресторанных стендов везде была надпись 'служебное помещение'. Ну, да конечно, персонал скорее всего имел доступ на улицу, там у них мусорные бачки, продукты привозят, доки для грузов ... как он сразу не догадался, как выйти. Может включиться сигнализация ... а и хорошо, может хоть кто-то к нему придет. Двери

служебных выходов открывались, Миша попадал в темные коридоры, нескончаемо длинные, которые никуда не вели ... Впрочем потеряться в этих прямых коридорах было нельзя. Отчаявшись выйти на улицу, Миша возвращался в зал, где он с таким аппетитом ел пиццу бьянку. Что ему здесь ночевать? Придется. А Дина будет морги обзванивать. Мишей уже прочно овладевала паника, которой он стеснялся. Ну посидит он тут до утра, утром люди придут, молл откроется. Он вроде с девяти. Миша вспомнил мамины рассказы про подругу, которая вот так же осталась в примерочной, где ее закрыли продавцы комиссионки. Баба шмотками увлеклась, а он компьютером. Ну, и дурак! Голова начинала болеть, захотелось пить.

... Лида попадает в темную центральную аллею Нью-Йоркского молла, подвальный, недавно законченный, этаж фуд корта в Коламбус Серкл. Днем аллею заполняет толпа, она густо наполнена запахами еды, глухой шум, беспрестанно работают лифты из которых выходят оживленные группы людей, в основном женщин. К запахам еды примешивается запах краски, только что закончена реконструкция, корт совсем новый, кое-какие рестораны еще даже не открыты. Сейчас тут довольно мрачно, бетонные стены выглядят неприглядно, жалюзи витрин закрыты, новый блестящий пол кажется в темноте тусклым. Лида невольно вздрагивает, когда представляет себе бедного потерявшегося Михаила Ямполь-

ского. Не хотела бы она очутиться на его месте. Пора его окликнуть. По-русски? Это уж будет совсем какой-то 'сюр' ...

– Sir!

Миша резко оборачивается, лицо его сразу озаряется радостью. Ну, наконец-то! Никакой мистики. Сейчас ему помогут. Он видит Лиду и быстро идет ей навстречу.

– Yes... Sorry, meme, I got somehow lost. Can you, please, tell me ...

– Михаил Бенцианович, не волнуйтесь. Давайте присядем.

– Кто вы? Сколько времени? У меня телефон не работает. Пожалуйста, помогите мне. Как хорошо, что вы здесь оказались, спасибо. 'Мэм' он ее назвать по-русски не может. Чувствует язык, не говорить же 'сударыня'.

Миша говорит быстро и нервно, слишком многословно. Он с органичной легкостью истинно многоязычного человека переходит с английского на русский, не особенно удивившись русской речи. Это же Нью-Йорк. Сейчас это не имеет для него значения. Лида видит пожилого интеллигентного мужчину, постепенно отходящего от только что пережитого

стресса. Он видимо сам себя ругает за панику, предвкушая, как он окажется наконец дома и будет с юмором рассказывать жене о дурацком приключении на плазе. Ему придется признаваться, что он туда пошел ей за подарком, но ничего пока не купил. Ерунда, Дина посмеется вместе с ним. Она действительно начала волноваться, его телефон не отвечал, и теперь у нее гора с плеч ... Лида читает Мишины мысли. В капсуле она обладает такой способностью. Поначалу ей из-за этого было иногда неприятно, даже стыдно, но она давно привыкла находиться в головах чужих людей, находя там разные шокирующие вещи:

– Михаил Бенционович, я вас сейчас все объясню.

– Я понимаю, что плаза закрылась, а я и не заметил. И все-таки ... который час?

– Не стоит нам сейчас говорить о времени, вас это только запутает. Хотя ... сейчас 8 часов вечера, вы, Михаил Бенцианович давно дома, включили телевизор, а дочери вашей Маши нет дома. Она у подруги Таси.

– Что, простите? Откуда вы знаете, что мою дочь зовут Маша? И как это я могу быть дома с женой и одновременно здесь? У нас с вами какой-то странный разговор, вы не находите? Как вас зовут? Вы получается меня знаете, а я вас нет. Давайте отсюда выходить, я давно должен быть дома, моя жена Дина очень волнуется. Пожалуйста.

– Михаил, она не волнуется. Нечего ей волноваться. Вы

уже довольно давно вернулись. И простите меня, я действительно не представилась. Меня зовут Лида.

– Очень приятно, Лида. Давно вы живете в Нью-Йорке? – Миша на автомате пытался быть светским.

– Михаил Бенцианович, я не живу в Нью-Йорке. Мы с вами сейчас не в Нью-Йорке. В этом-то все и дело.

– Да? А где? – Миша саркастически улыбался, находя ситуацию настолько гротескной, что принимать ее всерьез мог бы разве что идиот, а себя идиотом Миша не считал. Эта Лида с какой-то целью его разыгрывает, причем успешно. Наверное, он пал жертвой какого-то дружеского пари. Узнать бы кто это все заказал, привлек эту Лиду! Ничего он узнает ... и мстя его будет ужасной. Миша тоже умел искусно кого-нибудь разыграть.

– Лида, давайте серьезно. Я вам предлагаю пойти к моей машине, мы поедem ко мне домой и вы мне все объясните. Ладно?

– Нет, Михаил, я вам здесь все объясню. Даже не потому что я не хочу ехать к вам в гости, а просто это невозможно. Я сейчас какое-то время буду говорить, и пожалуйста, не перебивайте меня. Это очень важно. Кстати, я не уверена, что нам стоит здесь в этом темном помещении оставаться. Давайте отсюда уйдем ... где для вас будет комфортно?

– Что вы имеете в виду?

– Хотите оказаться в Гурзуфе на даче у Володи Житомирского? Вам там всегда было хорошо. А можно в каком-ни-

будь маленьком кафе в Женеве. А вас же там много любимых кафе. Для того, чтобы вы приняли то, что я скажу, подобный 'перелет' будет нам только на руку.

– А давайте в Женеву ... Михаил хитро улыбался, показывая, что Лиде не удалось его провести, но он принимает игру.

Лампочки под потолком снова чуть мигнули и Миша с изумлением обнаружил себя в кафе 'La Clémence' в старом городе, куда он часто заходил с друзьями с кафедры. Столики с площади были убраны, они сидели с Лидой внутри, за столиком у окна, по которому струились капли дождя. Небольшой зал был совершенно пуст. Перед Мишей стояла большая чашка с дымящимся супом и отдельно на тарелочке лежал сендвич. Лида пила кофе. Знакомая маленькая площадь, окруженная старыми пятиэтажными домами. Миша прекрасно знал это место. Он когда-то два года проработал в женевском университете, успел почувствовать себя европейцем.

– Лида, я поражен. Как вы это делаете? Какая-то компьютерная графика?

– Михаил, ну, какая графика! Разве вы можете графически есть горячий суп? Ешьте, а то остынет. Впрочем, вы же не так давно ели пиццу. Может кофе?

– Не надо мне ничего. Я вас слушаю.

Лицо Михаила стало совершенно серьезным. Версия с розыгрышем не подтверждалась. Слишком уж все сложно. Теперь он действительно был готов ее слушать. Каким-то образом до него дошло, что единственно для него теперь важным было то, что скажет Лида.

– Так вот, Михаил, я надеюсь, вы не против, что я вас так называю. Вы не в своем мире, тут нет привычных вам городов, ни Нью-Йорка, ни Москвы, ни Женевы. Вы во временном, условном и промежуточном мире, который мы называем 'капсулой'. Можно назвать его иначе: 'порталом', 'шлюзом' или 'гейтом'. Название неважно. 'Капсула' – это окно в параллельную действительность, одну из непостижимого множества. Мы вам предлагаем начать жить в такой 'другой' действительности. Ваша жизнь там не будет конечно совершенно идентична вашей жизни в известном вам мире. Ваша личность будет слегка модифицирована и таким образом есть все основания полагать, что вы станете счастливее ...

Лида видела, что на лице Михаила появилось нетерпеливое, слегка раздраженное выражение, которое свойственно культурным людям, желающим прервать собеседника, но не делающим этого из вежливости. Слушать то, что им говорят, делается невыносимым, и чужой вздор они не прерывают из последних сил.

– Михаил, вы хотите мне что-то сказать? Я понимаю, что у вас возникли вопросы, у вас будет возможность их мне задать, хотя ... ладно ... давайте сейчас ...

– Пойдите, Лида. Про 'капсулу' мы еще поговорим, меня сейчас другое волнует: вот вы все время мне говорите 'мы ... мы', кто это 'мы'? От лица кого вы выступаете? И еще ... вопрос, вытекающий из предыдущего: как это 'модифицировать мою личность'? Что модифицировать? Кто такие 'мы', чтобы иметь право модифицировать во мне хоть что-нибудь? Вовсе я не желаю никаких модификаций.

– А что, Михаил, вы всем абсолютно в себе довольны?

– Нет, конечно. Как можно быть в себе всем довольным? Но я – это я, и жизнь у меня соответствующая.

– Я поняла ваш вопрос, больше вы у меня ни о чем не хотите спросить?

– Хочу, мне любопытно, как это все происходит и зачем, но давайте сразу отделим главное от второстепенного: есть частности: как это делается, какие у меня гарантии и прочее ... но давайте сначала о главном. Кто 'мы'? Это главное. Пока я этого не уяснил, не стоит и продолжать. И поясните мне, кто вы такая?

У Лиды было неприятное ощущение, что Михаил в их разговоре доминирует, ведет его, то-есть делает то, что должно быть ее прерогативой. Ну, понятное дело, куда мне

до него, Михаила Ясуловича, профессионального маститого преподавателя, лектора, одного из лучших культурологов мира, лауреата престижных премий! В его голосе уже совершенно не чувствовалось никакого заискивания сильно испуганного человека перед своим спасителем. Наоборот, инициатива перешла к нему и он явно умел ею воспользоваться. Впрочем, он задает типичные вопросы, большинство задает те же самые, вот только ответы на них вряд ли кого-то удовлетворяют.

– Я сотрудница капсулы, работаю здесь кем-то вроде вербовщицы. Моя задача – объяснять клиентам суть наших предложений. Кто-то соглашается, кто-то – нет. В любом случае это решение клиента, но я разумеется на это решение влияю. Вот моя роль. Предвосхищая ваш вопрос ... сразу скажу: нет, в альтернативную действительность мне входу нет. Мне такой возможности никогда и не предлагали. Я – вербовщица, а не клиентка, никогда ею не была. В нашем с вами мире я преподаватель французской литературы в педагогическом университете, который вы когда-то заканчивали. И еще, я о вас практически все знаю.

– Ну, что вы знаете? Вехи моей общеизвестной биографии? Моя биография есть на википедии, я о себе говорил во время интервью. Многие из них выложены в сеть, можно и книги и статьи мои найти. Вот и все, что вы можете знать.

– Нет, я не это имею в виду, Михаил. Я знаю о вас то, о чем

вы никогда не говорили. И тут даже не в информации дело. Я вас чувствую, знаю ваши мысли, сомнения, разочарования. Вы уж меня простите.

– Предположим. Теперь насчет 'мы' ... это кто?

– А вот здесь, я мало что могу вам объяснить. Не потому, что скрываю, а просто сама не очень понимаю. Со мною когда-то вышел на связь представитель 'синклита', назвал себя Андреем, но дал понять, что он не является человеком в общепринятом понимании этого слова.

– Вот это уже интересно. Не человек, а 'явился' перед вами человеком? Сказал, что есть некий 'синклит'? Вы, что, удовлетворились этим объяснением?

– Я была вынуждена удовлетвориться. 'Синклит', видимо, – это совокупность параметров нематериальной сущности бесконечно огромной вселенной. Я видела этого Андрея, разговаривала с ним. Он часть 'синклита', но принимает форму живой материи. Они, 'синклит' по каким-то неизвестным нам критериям отбирают 'клиентов' и дают им шанс жить другой жизнью. Если вы меня спросите 'зачем', то им этот человеческий вопрос наверное чужд. Может они какой-то эксперимент проводят, хотя может и глупо это предполагать. Я не думаю, что мне дано постичь их логику.

– А вы этот вопрос Андрею задавали? Такой вот простой вопрос 'зачем' им, даже неважно кому, это надо ... ну, возиться с нами 'человеками'?

– Да, конечно. Он сказал, что живущий в определенном

мире никогда не может быть уверен, что это его первая и единственная жизнь. Может он жил, или будет жить, или может быть даже живет в одной из множеств параллельных миров ... вот что он сказал. Просто миллионы людей о таких вещах не задумываются. Они просто живут 'здесь и сейчас' ...

– Понятно, на ваш вопрос он не ответил, но ... это интересная теория ... 'синклит' как демиурги нашего бытия, по своему желанию перетекающие из материальной в нематериальную субстанцию. Изящно. Я конечно слышал об идее альтернативных миров, но это никогда не было в центре моих интересов, хотя нет, я ошибаюсь. Маленьким меня завораживали зеркала. 'Зазеркалье' для меня существовало, мне очень хотелось туда забраться. Я завидовал Алисе и Оле из 'Королевства кривых зеркал'. Почему-то мне казалось, что туда берут только девочек. А меня не пустят.

– Ну, вот, теперь вы получили такую возможность.

– Вы меня, Лида, заинтересовали. Так значит, я прежний остаюсь в нашем заснеженном Нью-Йорке, так? Или как только я попадаю в 'зазеркалье', я сразу умираю?

– Михаил, нет конечно. Вы вовсе не умираете. Вы спокойно живете своей жизнью, ничего с вами не происходит. Умираете вы в предназначенный вам час ...

– Вы знаете когда и как?

– Знаю. Но от вас я такого вопроса не ожидала.

– Я вас разочаровал? Оказался вовсе не таким продвину-

тым как вы ожидали? А?

А меня дочка еще очень молодая. Просто хотел на всякий случай узнать ... Ладно, вопрос снимаю. Вот, вы сказали, что-нибудь подправят. Я могу узнать что? Вдруг исправят из кулька в рогожку, что-нибудь не очень удачное во мне, но дорогое моему сердцу. Я хочу конкретно знать, что это будет.

– Михаил, я не знаю. Не я решаю, это работа синклита. Ваша личность будет разложена на мельчайшие составляющие, составляющие проанализируют и иногда даже мельчайшего изменения достаточно, чтобы жизнь пошла по несколько иному руслу. Любое ваше качество дает вектор, происходит движение, продолжающее до логического конца, и начинается другое векторное движение ... и так всю жизнь. Один из векторов будет немного перенаправлен, это повлечет глобальные изменения ...

– Понял, понял. 'Угол отражения' отклонится? Я по физике хорошо соображал. Но все-таки ... куда отклонится, что именно? Ну, например, вы же можете предположить что-то конкретное ... Что менять-то будут?

– Ладно, это просто пример ... вы, Михаил, всегда были слишком полным, вас это не украшало, портило жизнь. Толстый мальчик, толстый юноша, толстый мужчина ... Вас воспринимали, как толстяка.

– Постойте, постойте, Лида. Ваш пример основывается на том, что меня 'сделают' не толстым. Я буду ладным, крепким

и стройным. Но в этом же нет никакого смысла.

– Почему? Я вижу вас маленьким Мишенькой. Вы на даче у бабушки с дедушкой. Вам 6 лет. На участке, он засажен высокими соснами, валяется ваш трехколесный велосипед. На двухколесном вы так пока кататься и не научились. И никогда не научитесь. Вы толстый, довольно высокий и неповоротливый ребенок. У вас круглое лицо, красные толстые губы, вы ребенок улыбочивый и покладистый. У бабушки с дедушкой с вами нет проблем. Они даже не замечают, что вы толстый. По выходным на дачу приезжают родители, они врачи, освобождаются из больницы в три часа, но по будням на дачу не приезжают. Мама с папой берут вас на речку. Вы купаетесь под их присмотром. Толстый грузный еврейский мальчик в синих сатиновых длинных трусах. Соседским девочкам вы кажетесь смешным, а мальчики вас презирают, потому что вы с ними не катаетесь на велосипедах и не играете в футбол. Какой уж там футбол ... никаких подвижных игр в вашем детстве нет. Вы часами лежите в гамаке и читаете приключенческие книги. Аппетит у вас очень хороший и это радует бабушку, которая с большими трудностями печет вам пирожки.

У Михаила появляется на лице мечтательное выражение. Он весь в тех далеких картинках. В пожилом мэтре можно угадать того маленького дачного Мишу, всегда в хорошем настроении. Неужели он так никогда и не пожалел, что тол-

стый? Даже в детстве и юности? Наверное нет. Глупый она ему привела пример.

– Чудесно, Лида. Я примерно таким и был. Да, толстым еврейским маминым и бабушкиным 'сынком'. Только кто вам сказал, что я был недоволен? Замечал ли я вообще, какой я? Ну, видел, что я толстый, но это не имело для меня значения. Я был в мире книг, ловил насекомых, смотрел на них, думал о зеркалах, задавал взрослым множество вопросов. Ни футбол, ни велосипед, ни плавание меня не интересовали. Внимания девочек я тогда не искал. Игры в мяч казались мне глупыми. Понимаете, я был счастливым любимым ребенком, обожающим свою семью.

– А потом?

– Что потом? В школе, в институте? Вы имеете в виду мои комплексы насчет 'я – толстый' и соответственно некрасивый и нежеланный?

– Да, я это имею в виду. 'Я – толстый' мы взяли просто для примера. Я 'вижу' вас в один из первых дней в институте. Вы сидите на втором этаже на обшарпанном диване в коридоре. Сидите один, широко раскинув руки на спинку. Рядом с вами можно сесть, но никто не садится. Ребята шепчутся в углу, около туалета, вы их видите. Девочки проходят мимо. Среди них у вас есть знакомые, вы с ними учились во второй французской спецшколе, на вас оглядываются, но дальше взглядов дело не идет. Вам не обидно? Или вы этот эпи-

зод не помните?

– Ну, вообще-то да, забыл. Но сейчас вспомнил. Да, они ко мне не подходили, я даже знал почему: я был другим, не совсем таким как они. Я улыбался, прекрасно понимая, что с ребятами надо дружить, но в глубине души я же вовсе не хотел, чтобы ко мне подходили. Я не хотел болтать, рассказывать о себе, интересоваться тем, что мне было не нужно. Институт был для меня, как вы возможно себе представляете, скучен и слишком легок. Я там особо ничему не научился, просто мне был нужен диплом.

– А девушки?

– Что девушки? Вы хотите сказать, что я не был никому нужен? Это правда, но и мне никто не был нужен. Моя сексуальная энергия сублимировалась в другие интересы.

– Вы были совсем молодым юношей, а выглядели почти как сейчас. Не юноша, а дяденька, причем не очень молодой. Лицо молодое, а комплекция средних лет мужчины. Вы себя в зеркало видели? В таком возрасте успех у женщин невероятно много значит. Вы будете это отрицать?

– Нет, не буду. Я тогда начал уже заниматься кино. После работы в школе мне удалось устроиться в НИИ Киноискусства. Я был в таком обалденном кайфе от знаний, профессии, окружения, что мне было не до женщин. Поверьте. А перед этим ездил на семинары в Тарту. Там семиотики работали. Меня эти ученые буквально завораживали. А потом Тыняновские чтения в Резекне.

– Да, да, я знаю, но это все пришло позже. Но был же у вас период недовольства своей внешностью. Я знаю, что был.

– Был, вы правы. Но ... я вот сейчас об этом подумал. Тогда я наверное хотел бы больше походить на Алена Делона, но сейчас ... я, толстый Миша, нелюбимый глупыми молоденькими девочками, тянулся к книгам, науке, ученым ... а вот, если бы я был стройным и дико у девочек популярным, может я бы меньше прочел, и со мною никогда бы не произошло того, что произошло. И кстати, у меня была целая сеть социальных контактов с блестящими людьми. Они были интересны мне, а я – им. И еще ... вы сказали, что все про меня знаете. Тогда вам же известно, что у меня была первая жена, Лена. Мы где-то в 80-ых поженились. Довольно красивая женщина, потом наши с ней пути разошлись, но ничего плохого я вам о ней не скажу. Я был молодым, полным сил, пьесу даже опубликовал ... я еще в институте сочинял пьесы. Вот одну помню: разговор соседей в очереди в туалет ... коммунальная квартира. Нигде не взяли к постановке. И правильно ... А еще я много преподавал, во ВГИКе, на Сценарных и режиссерских курсах, стал сотрудником Института философии РАН. Это же я придумал название издательства 'Ad Marginem', а вот главный редактором не стал. Жаль, хотя в общем, чем больше я думаю о своей жизни, тем меньше я хочу что-либо в ней менять.

– Ладно, бог с ней, с вашей толщиной. А вот вы пошли работать в школу, не хотели, а пришлось.

– Да, было дело. Я же еврей, закончил МГПИ, куда 'наших' брали, не мог на работу устроиться. Пошел в школу.

– Это же была потеря времени. В другой жизни, вы бы эти три года возможно не потеряли.

– Ну, это вопрос спорный. Что значит 'потерял время'. Это был интересный опыт. Он мне потом пригодился.

Лида молчала. У этого Ясуловича на все был ответ. Он ее 'переигрывал' по очкам. Ни один ее вопрос не ставил его в тупик. Как он в список попал? Для чего ему другая жизнь. Успешный ученый, состоявшийся человек, счастливый муж и отец ... на черта ему ее невнятные предложения ... Глупо она, однако, выглядит. Черт бы побрал синклит с его списком. Сами бы попробывали с такими Ясуловичами! Он прожил много разных жизней в одной. Он литературовед, лингвист, кинокритик, философ, один из ведущих специалистов по постклассическим исследованиям, тайное международное жюри Гетти-Центра дало ему грант для стажировки в Лос-Анджелесе. Доктор искусствоведения Ясулович – профессор престижного Нью-Йоркского университета. Он одновременно 'доктор Ясулович ... Мишель, Майкл, Михаил Бенцианович, Миша, Мишенька, Мишка ... Он знает основные европейские языки. Надо все-таки что-то говорить, совсем он ее подавил.

– Михаил. Даже, если допустить, что вы во всем правы, и

у вас нет оснований хотеть улучшить свою и без того удачную жизнь, почему вы не желаете использовать шанс жить снова, начать с чистого листа? Вам разве не интересно, что получится?

– Интересно, я честно вам говорю, Лида. Ваш, как бы это выразиться ... 'проект' вызывает у меня любопытство. С какого возраста у меня будет 'чистый лист'? Я буду опять маленьким?

– Нет, вряд ли. Хотя это не исключается. Наверное молодым, когда изменение еще может на вас серьезно повлиять.

– Ага, а насколько у меня будет другая жизнь? Насколько? Моя семья, мои близкие в моей новой жизни будут со мной? Или я буду среди совершенно других людей?

– Разумеется ваши близкие будут с вами. Просто в связи с изменением одни из них, скажем 'базовые', такие как семья, с вами останутся, а другие могут в вашу жизнь по разным причинам не попасть.

– Вот это меня и пугает. Меня поправят, что-то прибавят, но другое заберут! Я не знаю что, как согласиться? Я, скажем, буду успешным драматургом, мне это нравилось, я из-за неудач своих расстраивался. Но ... став драматургом, я не напишу своих книг. Каждая моя книга – это мой ребенок, я жил ей, страдал ... нет, я от своих книг не откажусь.

– Ну почему вы решили, что вам не написать ваших книг?

– Потому, Лида, что одно всегда делается за счет другого. Я не могу и не хочу ничего менять в своей жизни. Я в чем-

то остался ребенком, и я делаю в своей взрослой жизни то, что меня интересовало в детстве.

– А вы, Михаил, смогли приспособиться к Америке, к западной модели мышления и поведения?

– Да, конечно, в целом да ... в мелочах – нет. В отличие от американских коллег, я обожаю беспорядочное чтение. Они всегда читают 'от сих до сих', то-есть то, что относится и их 'интересу'. Я – другой. Роюсь в букинистических развалах, выуживаю какие-то нелепые книги, несу их домой. Поздно вечером, когда мои женщины ложатся спать, я сижу один в гостиной и перелистываю свои сокровища, иногда отбрасываю, иногда увлекаюсь и читаю несколько страниц из середины, мне приходилось проглатывать книгу, поднимать от нее глаза с рассветом. Я не жалею, что мне не удастся использовать то, что я читал, но часто мои ненужные и лишние тексты вдруг в нужный момент всплывают в моей памяти, я нахожу потрепанный томик и опять в него погружаюсь. И Дина моя меня любит таким, какой я есть.

– Я знаю. Михаил, такие решения не принимаются просто так. Тут в капсуле есть специальное 'кино', в которое все кандидаты, или, как мы их называем, клиенты, идут, чтобы посмотреть на себя со стороны. Вы поймете, как вас видят другие, как они вас воспринимают, что о вас думают. Иногда это больно и горько, вплоть до шока. Но, это помогает принять решение.

– Нет, я примерно представляю, что обо мне думают.

– О, тут могут быть сюрпризы.

– Неприятные сюрпризы, вы имеете в виду. Нет, зачем мне разочаровываться в друзьях. Не хочу я идти в это ваше кино.

– Михаил, не идут те, кто отказывается навсегда от шанса. Те, кто пока не отказываются, должны идти и подвергнуть себя этому испытанию. Вы хотите подумать или отказываетесь? Это ваше решение!

– Нет, мне ничего не нужно. Я отказываюсь. Рано мне умирать, вы мне предлагаете 'уйти', а мы же с вами знаем, как французы говорят: 'partir, c'est mourir un peu'. Нет, нет. Это, как вы говорите, мое решение.

– Ладно, сейчас вы очутитесь в себя дома.

– Простите, давно хотел вас, Лида, спросить: я могу рассказывать жене и друзьям о нашей с вами встрече в капсуле?

– Вряд ли. Во-первых вы сразу все забудете. Память о нашей встрече полностью сотрется. Мы давно заметили, что так для людей лучше. Но даже, если бы кое-какие воспоминания у вас и остались бы ... кто вам поверит? Михаил, вы же не хотите прослыть чудаком. Это не ваш стиль. Прощайте, Михаил. Мне было приятно с вами познакомиться. Для меня это честь.

Миша неловко улыбнулся, его лицо выражало стеснение от того, что он разочаровал милую женщину. Он бы рад помочь, но не может ... простите, Лида, мне очень жаль.

Сейчас она лежала на кровати в доме, который она здесь считала своим и Мишино лицо стояло у нее перед глазами. В своих мыслях она почему-то называла его Мишей. Что ж ... полный провал! Она не смогла перехватить инициативу в разговоре, он был на высоте. Да, куда ей! Ни одного лишнего праздного вопроса. Может быть его и интересовало, как это все происходит, но будучи скорее гуманитарием, он не спросил, понимал, что Лида не сможет внятно объяснить ему все тонкости. Михаил прекрасно умел отличать главное от второстепенного. Ну, действительно, что она к нему пристала? Толстый, толстый ... какая ему разница! Когда-то может это могло иметь хоть какое-то значение, но потом ... он вообще забыл о своей внешности. Несоизмеримо более важные вещи происходили в его жизни, которая вместила столько свершений. Лида пристально посмотрела на белую стену спальни и там сейчас же появился Миша. Он был дома в своей небольшой, очень дорогой и уютной квартире. Они сидели с женой обнявшись на диване, смотрели телевизор, на столике перед ними стояли бокалы с вином. Лида прекрасно знала, о чем Миша думает. Ругает себя, помнит, что после работы поехал в магазин, зачем-то уселся на плазе есть пиццу, а потом открыл компьютер и ... все, забылся, погрузился в имейлы. Когда очнулся, было уже поздно, плаза вроде закрывалась, пришлось уходить домой. Только время потерял. Мише был неприятен ярлык 'рассеянного ученого', который он сам на

себя навешивал. Впрочем, до причины, по которой он покинул плазу, Миша доходил логическим путем. Что еще могло быть? На самом деле он не очень-то помнил, когда и почему поехал домой. Дине о том, что он ездил ей за подарком, он так и не сказал. Она, видимо, его задержку не заметила, ну и ладно. А то начала бы спрашивать, а что он хотел ей купить, почему не купил ... ? Он твердо обещал себе решить подарочный вопрос завтра, а сейчас он просто отдыхает, выкинув из головы свою злополучную поездку в Колумбус Серкл. Никакую Лиду он не помнит, и на этот раз ей было досадно, что она совсем не осталась у Ясуловича в памяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.